

Владислав
МОРОЗОВ

МЕДАЛЬ

за город ВАШИНГТОН

Владислав Андреевич Морозов
Медаль за город Вашингтон
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10333718

*Владислав Морозов. Медаль за город Вашингтон: Якуза, Эксмо; Москва;
2015*

ISBN 978-5-699-79779-0

Аннотация

2020-е годы. В Третьей Мировой войне досталось всем. Даже «золотому миллиарду». Европа и Азия лежат в ядерных руинах. Но решающее сражение с главным врагом – США – ещё впереди.

Разведывательные миссии русских солдат на вражескую территорию принесли много полезной информации. Противник всё ещё силен и готов спровоцировать новую глобальную войну, в которой надеется победить, используя новейшее, предельно бесчеловечное оружие.

Наши бойцы из десантно-штурмовой бригады готовятся провести стремительный набег, уничтожив военную базу возле самой столицы «Империи добра». Успех операции позволит лишить противника одного из главных козырей, без которого итог этой, возможной, войны будет отнюдь не однозначен...

Содержание

Пролог. Атомные танкисты	5
Глава 1. Обратной дороги нет. Сборы в дальнюю дорогу	21
Глава 2. Проверка на дорогах. Свой интерес на чужой войне	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владислав Морозов

Медаль за город Вашингтон

Иллюстрация на обложке – Нина и Александр Соловьевы

© Морозов В.Ю., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Посвящается всем тем, кто в начале XXI в.
воюет с фашистами. Снова.*

*Практически все люди и события, описанные
в книге, вымышлены и не имеют ничего
общего с реальностью, а трактовка автором
некоторых реальных исторических событий и
фактов необязательно совпадает с общепринятой.*

Пролог. Атомные танкисты

*«Что-то с памятью моей стало,
все, что было не со мной, помню».*

Считается, что данная песня – реакция М. Фрадкина и Р. Рождественского на выход книги Л.И. Брежнева «Малая Земля»

Туман и дождь, уже третий день – сплошной, серый с пеплом и какими-то продуктами горения, капитально засоряющий триплексы и прицелы. Конечно, это нас не удивляло – до этого по Западной Германии мы шли буквально сквозь огонь и дым.

Но сейчас крупные города мы, по понятной причине, обходили. И большие пожары, сполохи от которых стояли до горизонта, оставались справа и слева от нас, там, где еще недавно были Антверпен, Гент и Брюссель. Мелкие городишки и местечки безмолвно мелькали по сторонам шоссе, так, словно всякая жизнь в них прекратилась.

Не было видно и противника. Уже дня три по нам никто всерьез не стрелял, зато мы время от времени натыкались на брошенные в изобилии немецкие, бельгийские и голландские танки и другую военную технику, скособоченную на обочинах дорог.

Да, по-настоящему мы воевали первую неделю. Вот тогда было все, хоть мы и шли во втором эшелоне. И глубокий про-

рыв на Падеборн, и встречные бои с еще оставшейся после столкновения с первым эшелоном наших войск элитой западного блока – «Абрамсы», М-60, «Челленджеры», «Чифтены», «Леопарды-1 и 2», и дымное небо, битком набитое авиацией, бьющей все, что движется. Никогда раньше я не видел (да, наверное, уже и не увижу), как горящие самолеты и вертолеты падали на горящие танки. Все вокруг ждали применения нейтронного оружия, которым нас пугали накануне, но так и не дождались.

Потом натовские танки и авиация стали заметно редеть, а сопротивление североатлантического блока – ослабевать, а на восьмой день, когда мы уже всю давили армейские тылы и неразвернутые тяжелую артиллерию и ракетные установки противника, наконец произошел-таки вполне ожидаемый глобальный обмен ударами. Насколько я понял, наши ударили первыми. Ощущения были непередаваемыми – мы видели вспышки над Бонном и Кобленцем, нас даже потрянуло ударной волной от этих взрывов. Похоже, нам сильно повезло, поскольку мы оказались далеко в стороне от крупных городов и военных баз.

И было совершенно понятно, что такие же красивые «грибы» сейчас встают и позади нас, и над ГДР, и дальше, уже над Польшей и «Союзом Нерушимым», а значит, прежняя жизнь, видимо, кончилась, глобально и навсегда...

А когда мы отдышались и собрали в кучу то, что у нас осталось, последовал кодированный приказ – вскрыть запе-

чатанный пакет № 3 и действовать в соответствии с тем, что в нем изложено. Вскрывать пакет и командовать далее пришлось мне, поскольку никого старше меня по званию вокруг, как это ни странно, не уцелело. У нас в полку к этому времени уже недосчитались как всего управления части, так и трех комбатом из четырех...

В итоге пришлось быстро формировать сводный отряд и двигаться к цели, которую крайний раз, четыре дня назад, обозначил открытым текстом непонятно кто, назвавший наш позывной и представившийся штабом фронта (и которого мы с трудом слышали сквозь сплошной вой и треск по уцелевшим исключительно благодаря нашей предусмотрительности рациям). Кто нами сейчас командовал, я вообще не очень представлял – наш полкан Табачников погиб на пятый день (штабной КУНГ на базе «Зил-131», который он неизменно предпочитал бронированной командной технике, накрыло шальным снарядом), комдив генерал-лейтенант Кондратенко со всем штабом попал под авиаудар бундеслюфтваффовских «Фантомов» еще на третий день войны, а штаб 3-й общевойсковой армии во главе с генерал-полковником Пьянковым, похоже, за компанию со всеми прочими, накрыло ядерным ударом на восьмой день. Да и от города Магдебурга, где стоял до войны штаб нашей армии, теперь, похоже, мало что осталось. В глазах наших солдат и сержантов стоял откровенный страх и непонимание, поскольку никто не знал даже, кто вообще сейчас у руля, если от Москвы

и Кремля теперь одно воспоминание, а живы ли те же Андропов с Устиновым и прочее Политбюро – пойдя пойми. И только нахождение в глубине вражеской территории, похоже, еще сдерживало личный состав от глупостей и вопросов, на которые у меня, как и у всех прочих, не было ответа...

Но, уж коль мы солдаты, приказ надо выполнять, пока живы. А сдохнуть сейчас – не вопрос, признаки слабости и заторможенности были почти у всех, и иди разберись – от воздействия радиации это или от общей усталости и безнадёги. Наши чудом уцелевшие медики уже явно ничего не понимали в происходящем, даже не зная что делать с теми двумя десятками тяжелораненых, которых мы тащили за собой. Дозиметры сначала сошли с ума, а потом по большей части сломались. Противогазы и ОЗК мы сначала надевали, а потом плюнули – в такой сбруе в люке не повернешься, да и прок от них в целом сомнителен. Я лично предпочел заматывать физиономию влажной тряпкой (чтобы гарь не лезла в легкие) в сочетании со штатными для любого танкиста противопылевыми очками.

Вообще, мы и так практически «долгожители» – нашу дивизию, как и всю 3-ю общевойсковую армию, рассчитывали минут на сорок боя, а мы, гляди-ка, воюем уже третью неделю, и живы. Пока...

А на дворе, между прочим, июль месяц, год 1983-й. Жаркое еще недавно, и уже последнее, видимо, лето, которое поразительно быстро сменилось этими странными, почти осен-

ними по виду дождями, которые, похоже, не кончатся, пока не догорят пожары в руинах на месте крупных городов. А потом, если в популярных брошюрках «для служебного пользования» писали правду, все сменится очень длинной зимой, полной смерти и безмолвия. Что при этом будет с нами – про это даже думать не хотелось. Ладно, я неженатый, а вот куда возвращаться с этой войны тем, у кого остались семьи-дети-жены – неизвестно...

Под гусеницы моего командирского Т-80К все так же ложатся километры хороших бельгийских дорог. Называется, вот пришли освободители, встречай нас Европа. Но цветов от нее теперь не дождешься, от нее уже вообще ничего не дождешься. Тишина и безлюдье, нарушаемые только ревом и свистом наших дизелей и турбин. Проезжая через когда-то чистенькие и аккуратные немецкие и бельгийские городки и деревушки, мы в последние дни натываемся только на редкие трупы, брошенные легковушки, разграбленные магазины, бензоколонки и прочие следы разномасштабного мародерства. Людей нет вообще, видимо, если живы, отсиживаются по домам и погребам (если они здесь вообще есть). Не думаю, что натовцы нарыли такое количество противотанковых бункеров, в которое поместилась бы большая часть местного населения.

Следы бомбежек здесь уже попадались совсем редко – наши ВВС густо бомбили Западную Германию и, действуя на опережение, хорошо обработали Англию, при этом стараясь

все-таки шадить мосты и дороги на пути к нашей основной цели. За что им спасибо. Хотя что им наше спасибо, если и наши и западные летуны сейчас по большей части уже на том свете? По аэродромам-то явно долбанули в первую очередь....

Впереди меня – разведка и пара Т-80Б. А вообще наша колонна не особо длинная. Тринадцать Т-80Б, считая мой, командирский танк, десять Т-64А и Б, плюс присоединившиеся к нам пять Т-55 и четыре Т-72М из 11-й мотострелковой дивизии Национальной Народной Армии ГДР (немцами командовал некий очень вежливый майор с музыкальной фамилией Вагнер, хорошо говоривший по-русски – поскольку мы с ним были в одном звании, я поначалу даже предложил ему возглавить наш сводный отряд, но он тут же отказался, что значит дисциплинированная нация).

Плюс к этому три десятка БМП-1 и 2, три БРМ-1К и пять БРДМ-2 (считая две машины с ПТУРами) и шестнадцать БТРов – БТР-70, БТР-60 (включая даже три взявшихся непонятно откуда БТР-60ПА и пару БТР-60ПУ), а также пара санитарных МТ-ЛБ и прочая второстепенная техника – грузовики и бензозаправщики, как наши, так и подобранные по дороге трофейные.

Учитывая, что в нашем и соседнем полках в начале войны было по 104-105 Т-80 (а в полках соседней 7-й гвардейской танковой дивизии – по 95 Т-64), по 57-59 БМП-1 и 2, а также по 12-18 САУ и масса всякой прочей вспомогательной тех-

ники, можно с чистой совестью сказать, что от нас остались практически рожки да ножки, как в той детской песенке....

Главный плюс в том, что большая часть техники пока работала надежно, и в том, что пока еще есть топливо на брошенных бензозаправках и в баках оставленной на дорогах вокруг нас техники, поэтому тот НЗ, что мы возьмем с собой, не особо тратим. Ну а снаряды-патроны пока есть. Стрелять вот особо не в кого....

Между тем дождь наконец прекратился. Я поднял очки на налобник танкошлема и приспустил закрывающую лицо тряпку. Воздух отдавал перегоревшим топливом и пожаром. Все как всегда в последние дни.

Перед головным танком нашей колонны выскочили из-за поворота разведчики – блестящие от влаги БРМ-1К и БРДМ. С БРМ, соблюдая радиомолчание, махали красным флажком. Значит, произошло нечто важное.

– Колонна, стой! – крикнул я, в свою очередь отмахнув флажками, и скомандовал мехводу:

– Черняев, давай в голову колонны, навстречу разведке!
«Восьмидесятка» крутнулась влево и, обходя головные танки, рванула вперед.

Когда мы поравнялись с БРМ, я рассмотрел в ее башенном люке чумазую физиономию старшего лейтенанта Семеренко. Не скажу, что он был доволен, но страха я в его глазах не усмотрел.

– Товарищ майор, – доложил старлей. – Берег впереди!

– Точно?

– Абсолютно. Все по графику.

– Противника нигде не видно?

– Никак нет. Я там для уточнения обстановки одну «бардадымку» оставил...

– Тогда все помаленьку вперед....

Отмашка флажками, и колонна тронулась.

Километров через пять наши танки прошли через аккуратненький двух-трехэтажный городок под островерхими черепичными крышами, над которыми в пасмурной мгле угадывались шпили каких-то то ли соборов, то ли кирх (судя по карте в моем планшете и надписям на дорожных указателях, это был Остенде, провинция Западная Фландрия). Высекая траками искры из булыжных мостовых, наша колонна миновала город и на приличной скорости выкатилась к нашей главной цели.

Через пелену медленно рассеивающегося тумана я и без всякого бинокля рассмотрел серое море до горизонта, лениво шлепающее в берег. Справа в отдалении – явный порт с длинными пирсами и маячившими за ними мачтами многочисленных яхт и прочего «тюлькиного флота», слева – полоса песчаного пляжа с разбросанными в беспорядке лежаками и пляжными кабинками, упирающаяся в невысокие дюны. На дюнах торчал брошенный «Леопард-1А4» или «А5» с открытыми люками и маркировкой бельгийской армии. Позади него стояла наша БРДМ-2 – разведчики, высунувшись из

открытых люков, обозревали местность в бинокли. И больше ничего вокруг.

Я вылез из башенного люка и, сдвинув шлем на затылок, осмотрелся. Спрашивается, что я ожидал увидеть? Мокро и противно... Доконает меня эта сырость, комбез влажный, шлемофон влажный... Не хватало еще только помереть от простуды, во время ядерной-то войны...

Ветер, дувший с моря, ощутимо вонял сажей.

Колонна медленно рассредотачивалась на дороге вдоль пляжа.

– Заглушить двигатели и отдыхать! – крикнул я в сторону танков. – Передать всем!

Кажется, меня услышали, залязгали люки, и из машин полезли фигуры в черных комбезах и шлемах, а также мотопехота в полевом х/б. Спустившись на землю, танкисты разминали затекшие спины, ноги и задницы, пехтура снимала каски. У кого еще оставалось курево – закуривал.

А я все так же стоял на песке, попеременно разглядывая окружающий пейзаж и карту в моем расстегнутом планшете.

– И что там? – спросил подошедший ко мне первым из наших офицеров капитан Курков.

– Чего-чего. Сам слепой – не видишь? Дошли. Выполнили приказ. Вот он тебе Ла-Манш, он же Английский канал.

– А дальше?

– А буй его знает, что дальше...

Сказал я это предельно искренне. Это наши деды, дойдя

до Эльбы или до Праги, наверное, знали, что будет дальше, а нас-то о продолжении не информировали. А точнее – не успели информировать. Да и будет ли оно теперь, это продолжение?

Нет, то есть планы Генштаба (или давно погибшего штаба нашей 3-й армии) мы выполнили в точности и, как и было предписано, на пятнадцатые-шестнадцатые (я отметил для себя, что сегодня у нас 22 июля) сутки вышли к намеченной цели. У Гудериана бы и то вряд ли лучше получилось. Собственно, мы могли выйти к устью Шельды еще три дня назад, но поскольку на Антверпен уже уронили энное количество килотонн, там стоял ад крошечный. Да и приказ наш касался исключительно участка Зеэбрюге-Остенде.

А что теперь? В последнем радиосообщении было сказано – выйти в заданный район и удерживать плацдарм до подхода главных сил, дабы обеспечить форсирование Ла-Манша указанными главными силами. А где они теперь, эти самые главные силы? По-моему, все, кто были (а точнее, те, кто еще живы) – пришли сюда со мной. Конечно, не мы одни во всей Советской Армии остались, до намеченных довоенными планами рубежей явно много кто дошел, но действительно – дальше-то куда? Искать переправочные средства – и вперед, чудо-богатыри? В Англию? А на фига?

– Товарищ майор! – услышал я голос все того же Семеренко. Он, спотыкаясь, бежал ко мне от своей БРМ.

– Чего там у тебя еще?

– Впереди техника!

– Противник?

– Да нет, наши. БМД. Их Потапов обнаружил. Идут сюда.

Вместе с ним я вышел на дорогу, где возле моего танка уже начали собираться офицеры.

Эта самая десантная колонна оказалась недлинной – один БТР-Д и четыре побитых БМД-1, с сорванным внешним крепежом и мелкими пробоинами в броне, плюс пяток трофейных пятнистых джипов с американской маркировкой. Техника была облеплена колоритными фигурами в грязных зеленых маскхалатах, прыжковых и танкистских шлемах и голубых беретках. Кое-кто нацепил на головы американские кевларовые каски. Я рассмотрел на некоторых десантниках натовские камуфляжные куртки, а в руках у них, кроме штатного оружия – импортные штурмовые винтовки. Видать, повеселились полосатики...

С головной БМД спрыгнул и направился ко мне крупный небритый мужик в обмятом голубом берете с офицерской кокардой и АКМС на плече. Поверх маскхалата на нем была американская куртка, снятая с какого-то, судя по нашитой на груди планке, «col.lt J.C.Jones» (подполковника Джонса, надо понимать, и не завидую я этому Джонсу, ох не завидую...), а на поясе, в полуоткрытой кобуре незнакомого образца торчал здоровенный, явно импортный пистолет с донельзя вычурной рукоятью (накладки там были явно из какого-то дорогого дерева или чего-то типа того).

– Капитан Лагутин, – представился он, козырнув. – Командир разведбата 7-й гвардейской Краснознаменной Орде-на Кутузова II степени воздушно-десантной дивизии, сей-час командую сводным отрядом из различных подразделе-ний данной дивизии.

Я представился в том же стиле, кинув руку к шлемофону:

– 61-й гвардейский танковый Свердловско-Львовский Ордена Ленина Краснознаменный орденов Суворова, Куту-зова и Богдана Хмельницкого полк 10-й гвардейской танко-вой Уральско-Львовской Ордена Октябрьской революции, Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова доброволь-ческой дивизии имени маршала Советского Союза Р. Мали-новского. Командир второго батальона. Командую сводным отрядом, куда кроме остатков нашего полка входят подраз-деления 62-го полка нашей дивизии, соседней 7-й гвардей-ской танковой дивизии и 11-й мотострелковой дивизии ар-мии ГДР...

– Титулов-то у нас с тобой, майор, все равно что у дво-рян, – усмехнулся капитан, – а вот насчет всего остально-го....

– Что есть, то есть. Титулы есть, а полков и дивизий уже нет. Даже командиров и штабов нету. Ты-то откуда свалился на нашу голову, крылатая пехота?

– С Дюнкерка.

– Ну-у?! Это как же вас туда занесло?

– Как-как. На седьмой день войны нас высадили между

Лиллем и Дюнкерком. Для захвата плацдарма, куда на следующий день должны были высадиться главные силы дивизии. А на следующий день сам знаешь что произошло. Дюнкерк, понятное дело, накрылся, высаживаться уже никто не стал. Мы там сначала разнесли все напополам и вдребезги, включая два ракетных дивизиона – «Лэнсов» и «Плутонов». Потеряли на этом почти всю технику и две трети личного состава. Потом сидели как идиоты, ждали чего-то. А неделю назад вдруг радио. На нашей волне открытым текстом – называют мой позывной и приказывают выходить к побережью севернее, в Бельгию, на соединение с главными силами фронта. Ну вот мы и вышли. Это вы, что ли, и есть «главные силы»?

– Недурное у тебя вышло турне... Ты будешь смеяться, капитан, но я сюда вышел тоже для обеспечения подхода главных сил...

– И где они, эти главные силы?

– Да без понятия.

– Ты когда последний приказ получил?

– Четыре дня назад. Так же как и ты – открытым текстом.

И я его выполнил...

– И что дальше, танкист?

– Эх, десантура, а я-то откуда знаю... Давай вместе кумекать...

Грохот, долетевший наконец до моих ушей, заставил меня открыть глаза. И я проснулся окончательно. В дверь моего

кабинета со всей дури долбили кулаками, а может, даже и берцами.

– Чего там? – крикнул я.

– Посыльный из штаба! – заорали из-за двери. – Товарищ майор, вас срочно к комбригу!

– Ципура, ты, что ли? – припомнил я фамилию сержанта, который должен был сегодня дежурить в штабе.

– Я, товарищ майор, – обрадованно ответили за дверью.

Я глянул на свои наручные часы – ни фиги себе, время семь утра! Что, атомная война началась-таки? Совсем обалдели они там в штабе, что ли?! Позвонить нельзя было?

Я глянул на стол и увидел, что трубка внутреннего телефона лежит на столе, а значит, зря я штабных матерю. Как видно, сам накануне трубку не повесил, чтобы кто попало спать не мешал...

– Ну и хрюли? Зачем я родному командованию понадобился? – поинтересовался я, прекрасно зная, что сержант может и не знать, зачем меня вызывают. Поэтому мой вопрос мог прозвучать довольно идиотски.

– Там до вас большое начальство из Центра приехало! – проорал посыльный через дверь. – Баба какая-то!

– Понял, уже иду! – крикнул я в ответ, и Ципура резво учапал вдаль по коридору.

Я сел на диване, протирая глаза. Н-да, диван в кабинете – это, конечно, хорошо, а вот ночевать в этом самом служебном кабинете полуодетым, точно скотина (как говорила одна

старуха во всемирно известной книге Ярослава Гашека), – это, браток, никуда не годится. Видимо, от этого беспорядочного образа жизни мне всякие навязчивые страшилки про Третью мировую все время и снятся. Главное – с чего бы это? Ведь и не пил ничего накануне, бамбук не курил и в оргиях не участвовал....

И, что характерно, я в 1983-м был всего-навсего школьником очень даже младших классов и ни о чем таком знать не знал.... Нет, конечно, нас в те времена усиленно пугали атомной войной, но не с такими же подробностями. А из моей ближайшей родни никто в ГСВГ в те времена тоже не служил. Загадка, блин... В прежние времена такие сновидения стали бы усиленно лечить, а сейчас про такое лучше вообще помалкивать. Вот и я помолчу – здоровее буду. Тем более сейчас наяву порой все куда хуже, чем во сне...

Значит, какая-то баба до меня приехала? Понятно. Догадываюсь, что за баба может прилететь по мою душу ни свет ни заря. Если это та, о ком я думаю, опять предстоит нечто все в том же духе – собирай манатки, дан приказ ему на запад, ей в другую сторону... Ладно, поглядим, что они там у себя опять удумали, раз приперлась вне графика и без всякого предупреждения.

Глядя в окошко, где в предутреннем сумраке с деревьев медленно осыпались первые пожелтевшие листья, а по подоконнику лениво постукивали капли редкого, характерного для ранней осени дождя, я натянул камуфлю, зашнуровал бо-

тинки, наскоро умылся и потек в сторону штаба.

Не исключено, что спасти будущее человечества. В очередной раз...

Глава 1. Обратной дороги нет. Сборы в дальнюю дорогу

«Чем дальше влез, тем ближе вылез».
Вроде бы народная поговорка

Ближайшее будущее. Начало 2020-х. Россия. Урал. Расположение 93-й гвардейской инженерно-штурмовой бригады. Ранняя осень

Качество записи было очень хорошее, вот только эта самая запись, к сожалению, была без звука – явные издержки нынешнего смутного времени, увы, увы. Хотя теперь меня обычно скорее удивляет не отсутствие на каком-либо достойном охраняемом объекте систем наблюдения, а скорее их наличие. Что делать – живем-то где?

На большом экране передо мной на фоне яркой полупустыни с какими-то кактусами и прочими элементами тропической зелени открылись металлические ворота в заборе из крупной проволочной сетки с «егозой» поверху, и на некую внутреннюю территорию въехал довольно ухоженный внедорожник вишневого цвета. Ворота за машиной медленно закрылись. Автомобиль отъехал чуть в сторону и остановился.

Из него выбралась очень красивая загорелая, светловолосая женщина, в темных очках, светлом (цвет беж, или свет-

ло-песочный) мини-платице и белых туфлях на каблучках с блестящими пряжками под золото или что-то типа того.

Красавица захлопнула дверь автомобиля и, взяв сумочку, двинулась к расположенной у ворот, через которые она только что въехала, будке-сторожке (цементный или отштукатуренный куб с узкими окнами по всем стенам, кроме внутренней, где располагалась дверь). Оттуда навстречу ей вышли двое. Молодые, как и приехавшая блондинка, мужчина и женщина в некой униформе (более всего напоминающей то ли офисную одежду из прежних времен, то ли экипировку каких-нибудь бортпроводников) серо-голубого цвета. На женщине приталенный костюм с узкой юбкой, в сочетании с белой блузкой и туфлями без каблучков. Мужчина без пиджака, в белой рубашке с темным галстуком и брюках из той же серо-голубой ткани. Оба вооружены – у мужчины в руках дробовик, а у женщины, судя по оттопыренному пиджачку, под костюмом слева пистолет в подмышечной кобуре.

Блондинка начала что-то им объяснять, энергично жестикулируя. Лица у мужчины и женщины стали какие-то настороженные. Со стороны снимающей все это камеры между тем появились еще трое – две девушки и бритый (а может, и лысый) мужик, в такой же, как у первых двух, униформе, только все без пиджаков. И у этих троих лица были какие-то предельно настороженные. Разговор с энергичной жестикуляцией продолжился, потом блондинка сняла свои солнцезащитные очки и явно отдала какую-то команду, после ко-

торой первые двое вернулись в сторожку, а остальные трое с блондинкой во главе двинулись к невысокому двухэтажному зданию, торчавшему чуть в отдалении. И за этим зданием чуть в отдалении виднелось что-то, больше всего похожее на быстросборные ангары со сводчатой крышей. Вот тут мне стало понятно, почему все они тут ходят в некой единой-образной униформе – вся картинка более всего напоминала небольшой, провинциальный (возможно, частный) аэропорт в довоенном западном стиле. Не иначе какая-то очень частная авиационная лавочка, если они, конечно, где-то еще остались. Вот только самолетов-вертолетов нигде почему-то видно не было.

Внутри, в холле первого этажа здания, который действительно выглядел как офис некой частной авиакомпании (даже какие-то постеры с самолетами и рекламами – бросилось в глаза что-то про курорт Акапулько и продукцию концерна «Эмбраер» – по стенам висели), по-видимому, работала еще одна камера. Вошедших встретили еще десяток человек, по-моему, там было трое мужчин и шесть-семь девушек, все в той же униформе, по большей части без пиджаков, на двоих бабах вместо блузок были какие-то топики без рукавов, обувь на собравшихся была разнотипная и разноцветная. Вид у всех явно взвинченный.

Все скуцковались вокруг блондинки, которая, все так же энергично жестикулируя, довольно долго что-то им энергично объясняла-втолковывала. Потом она наконец закончила,

и все разошлись.

Блондинка поднялась по лестнице на второй этаж, где стояла еще одна камера. На втором этаже была видна изнанка типичного офиса – холл второго этажа с несколькими креслами и парой легких столиков и входными дверями служебных кабинетов, выходящими во внутренний коридор.

Блондинка зашла в один из кабинетов и на какое-то время пропала там. Потом она наконец вышла оттуда, уже без сумочки, но с большим пистолетом в руке. Затем красавица спустилась по лестнице вниз.

Навстречу ей попадались все те же девушки в униформе, но все они уже были вооружены – в основном короткоствольными тархтелками МР-5, а у двоих или троих были штурмовые винтовки «Штейр-АУГ» (или как там они правильно называются) схемы «булпап».

Видно, как блондинка им всем снова что-то говорит, явно приказывая или как минимум давая какие-то ценные указания. Все внимают. Спустя какое-то время двое мужиков волокут снизу старый американский пулемет М-60 и несколько зеленых жестяных коробок с лентами к нему куда-то наверх, явно на крышу или на второй этаж. Блондинка что-то говорит и им. Они кивают.

Потом опять запись с камеры перед воротами. Звуча нет. Но похоже, что началось нечто нехорошее. По воротам и сторожке возле них довольно густо стреляют – кругом вспухают пылевые облачка и султанчики, отлетает щебенка и куски

краски, вспыхивают неяркие искры рикошетов, когда пули отлетают от металлического забора, стекла сторожки в пробоинах и трещинах.

Внедорожник, на котором приехала давешняя блондинка, весь в дырах, стекла покрыты мелкой паутиной трещин. Сторожку продолжают изрядно дырявить, и она практически лишается стекол. Из нее выбегает девушка в пиджаке, та, с которой блондинка разговаривала в самом начале, с пистолетом в руке, на щеке порез, глаза дикие. Палит куда-то себе за спину и что-то кричит. Через пару секунд ей словно ударяет по голове, она спотыкается на ровном месте, роняет пистолет и кувыркается по земле (в сторону отлетает соскочившая с ноги туфля), после чего замирает в неудобной позе, лицом вниз. Потом в сторожке что-то начинает гореть – в сторону камеры стелется сизый дым.

Потом ворота содрогаются и падают, и вместо них в пустом проеме, в облаке пыли и мелких обломков, возникает массивный пикап с «кенгурятником» перед радиатором. Картинка в духе кинобоевиков из прежних времен.

В кузове пикапа, выставив стволы штурмовых винтовок над кабиной водителя, ведут непрерывный огонь из автоматов четверо волосатых мужиков. Пикап на хорошей скорости врывается за ворота, но тут же попадает под сосредоточенный огонь. Первыми же выстрелами, похоже, убивают водителя, дырявят радиатор и покрышки передних колес. Ветровое стекло покрывается сеткой трещин, из-под капота под-

нимается пар, машину заносит. Один из стрелков медленно оседает в кузове, явно замертво. Потом еще один волосатик в черной майке выпадает через борт, выронив оружие – видно, как в него, уже падающего, попадает автоматная очередь. Двое оставшихся автоматчиков успевают выпрыгнуть из кузова, суматошно поливая все вокруг длинными очередями, но через пару минут падают один за другим на землю, без признаков жизни. Пикап лениво загорается. Похоже, интенсивность огня несколько снижается, поскольку в поле зрения появляются трое вооруженных, сильно растрепанных девушек из числа тех, что были в главном здании. Они осматривают ту, что бежала от сторожки – видно, что у нее приличная дырка от пули в виске. Потом девушки собирают валяющееся на земле оружие и отходят. Видно, как за воротами перебегают какие-то человеческие силуэты с оружием.

Далее в кадре появляется та самая блондинка, которая, похоже, все так же ими руководит. Она что-то говорит, но идет уже как-то нетвердо, спотыкаясь на каблуках – в ее правой руке пистолет, левой ладонью она держится за бок, видно, что пальцы этой руки не особо густо испачканы красным, лицо слегка искажено гримасой боли и удивления.

Между тем перестрелка вокруг, похоже, продолжается во всю.

Далее съемка с камеры в холле первого этажа – стекла уже выбиты начисто, пол засыпан осколками и стреляными гильзами, мужики и девки в знакомой униформе стреляют ку-

да-то в сторону ворот, прикрывшись поваленной на пол мебелью – какими-то шкафами, стеллажами, креслами. Блондинка командует и здесь, заметно, как под пальцами ее левой руки на талии все гуще расплывается влажное темное пятно. Видно, что стоит и говорит она с видимым усилием.

Без паузы – камера в холле второго этажа. Там та же картина, что и внизу, – начисто выбитые окна, распахнутые двери некоторых кабинетов, на стенах дыры и вмятины от пуль. Двое девушек тащат под локти блондинку. Та все так же держится левой рукой за живот и что-то говорит, но талия у нее уже туго обмотана прямо поперек платья чем-то, вроде куска простыни или, к примеру, наволочки и крови почти не видно.

Девки сажают ее в одно из стоящих в холле кресел, и она, скорчившись в этом кресле, неловко вытягивает ноги, продолжая что-то говорить. Что-то ответив ей, обе девушки быстро уходят, оставляя рядом с ней на столике пистолет, кучку пистолетных и автоматных обойм и ставя у ближайшей стенки укороченный М-16 карабинного типа, по-моему, автомат из числа подобранных на улице, возле пикапа. Видно, как блондинка некоторое время сидит в бессильной позе, уронив голову на грудь, потом с явным трудом встает, подбирает автомат и нетвердой, вихляющейся походкой, держась левой рукой за стенки, идет в кабинет, в который заходила накануне, еще до начала перестрелки. Через какое-то время она, также по стенке, возвращается оттуда и тяжело падает в

то же кресло, хорошо видно, что лицо у нее мокрое от пота, на щеках нездоровый румянец и ей, похоже, очень больно.

Снаружи, похоже, продолжается интенсивная стрельба. У забора и ворот начинают с удвоенной частотой мелькать какие-то человеческие фигуры в однотипных, песочно-пятнистых униформах, которые по одной-две проникают сквозь снесенные ворота.

Камера в холле первого этажа. Опять идет очень плотная стрельба с обеих сторон, стреляных гильз на полу заметно прибавилось, видно, что одна из девушек лежит навзничь, привалившись спиной к стене, взгляд застывший, рот открыт, белая блузка на груди густо залита темно-красным, автомат лежит на полу рядом с ней. Еще одна девушка лежит на полу спиной к камере, мертво уткнувшись лбом в прицельную планку своей штурмовой винтовки. Остальные продолжают вести огонь.

Видно, как блондинка, с огромным трудом поднявшись, подбирает со столика магазины и, согнувшись, чуть ли не ползком спускается на первый этаж. Потом из одного кабинета второго этажа появляется светловолосая девушка – длинные волосы рассыпались по плечам и лицу, шелковая белая блузка вылезла из сползшей на бедра юбки, глаза дикие, рукава закатаны. Что-то кричит в коридор. Явно обращаясь к тем, кто ведет огонь на первом этаже. На лестнице снизу возникают две особи женского пола с оружием, которые следом за растрепанной светловолосой девкой кидаются

за двери кабинетов. Видимо, там они ведут огонь из окон, но в кабинетах камер нет. Видно только, как сотрясается здание, а отдельные пули дырявят хлипкие внутренние стенки.

Минуты через четыре одна из девушек, рыжеволосая, высовывается в коридор второго этажа и что-то кричит. В этот момент ей в спину, похоже, попадает пуля – из груди толчком брызгает темным. Коричневатые капли отлетают на стенку. Рыжая девка, с каким-то изумлением на лице, выронив автомат, выпадает из двери кабинета и остается лежать в неудобной позе поперек коридора.

С первого этажа появляется, все так же держась левой рукой за стены, блондинка (на плече у нее теперь висят два автомата МР-5, в правой руке пистолет и какая-то брезентовая сумка, откуда торчат автоматные магазины) с еще одной девушкой. Они тащат под локоть третью – рослую брюнетку в топике без рукавов. Та явно не может идти, ее ноги заплетаются, она что-то говорит, а топик на груди и животе покрыт влажными красными пятнами. Ее кладут спиной на низкий столик в холле второго этажа, положив рядом автомат МР-5. Видно, как согнутые колени раненой дрожат. Рядом с ней тяжело усаживается в кресло блондинка, положив принесенные стволы прямо на пол. В коридор залетают шальные пули с улицы, но обе их словно не замечают. Раненая, лежа, что-то говорит, блондинка что-то говорит в ответ. Видно, как красные пятна на груди брюнетки все больше темнеют. Через несколько минут раненая затихает, скло-

нив голову набок. Блондинка тормозит ее за плечо, но явно тщетно. Блондинка что-то кричит.

В холле первого этажа стрельба продолжается с прежней интенсивностью, воздух там откровенно мутнеет от пороха и пыли. Видно, что ответный огонь там ведут уже всего трое.

Опять второй этаж. Пули попадают в коридор как-то слишком густо. Камера слегка трясется, но потом картинка восстанавливается.

Блондинка снова что-то кричит. Из-за дверей кабинетов второго этажа появляется одна из девушек – маленькая кудрявая брюнетка, которая бросается по лестнице вверх. Интенсивность стрельбы, похоже, нисколько не уменьшается.

В холле второго этажа снова возникает растрепанная светловолосая гирля в вылезшей блузке. Что-то кричит полулежащей в кресле блондинке в светлом. Та передает ей один МР-5 из числа лежащих рядом, потом обшаривает пол вокруг себя и вручает растрепанной три или четыре запасных рожка из брезентовой сумки. Та, что-то крикнув, исчезает.

Между тем блондинка резко оборачивается. Снизу, что-то крича, появляется еще одна девушка, согнувшись, зажимает обеими руками живот, блузка и кисти рук густо залиты красным, видно, как кровь толчками выбивается из-под зажавших рану ладоней. Падает на колени, доползает до стены и там затихает в неестественной позе. Под ней на полу сразу образуется темная лужа.

Блондинка с огромным трудом встает, наклоняется над

убитой, потом поднимает с пола свой автомат и спускается вниз по лестнице.

В холле первого этажа уже, похоже, никто не отвечает на огонь снаружи. На улице четко видны перебегающие силуэты стрелков в пятнистом желто-коричневом.

Откуда-то вдруг выскакивает метавшаяся до того наверх кудрявая брюнетка, с пулеметом М-60 наперевес, патронная лента волочится по полу. Стреляет от живота, в нее стреляют в ответ, видно, как пули попадают ей в плечо, грудь и живот. Она кричит, но все-таки достреливает ленту и только после этого медленно оседает на покрытый горячими гильзами, обломками мебели и битым стеклом пол, выронив пулемет.

Камера снова показывает холл второго этажа. Туда на коленях выползает блондинка в светлом, за ней по полу тянутся темные следы, держится за живот и, похоже, плачет. Видно, что на стягивающей ее талию повязке появились минимум две новые раны. Она скидывает на лестницу позади себя пару кресел, поднимает с пола автомат, подползает к стене, тяжело разворачивается и садится на полу так, чтобы видеть лестницу с первого этажа. Меняет рожок в автомате и что-то кричит. При этом пол вокруг нее почему-то начинает блестеть так, словно по нему разлили воду. Обмочилась, что ли? Ужас какой...

Появляется давешняя растрепанная светловолосая девка. Форменная юбка лопнула на ее бедре по шву, так что видны

узкие темные трусишки. Что-то кричит в ответ. Видно, что на ее левом рукаве и на животе мятой блузки тоже появились кровавые пятна. Хватает из сумки еще несколько обойм, потом возвращается туда, откуда только что выскочила.

Камера с улицы показывает, как темно-зеленые фигуры проникают на первый этаж. Блондинка в светлом начинает стрелять куда-то вниз, что-то кричит. Но ответа явно нет. Она меняет обойму, снова стреляет. Видно, как снизу стреляют ей в ответ, вокруг отлетает отбитая пулями штукатурка или что-то типа того. Наконец пуля попадает ей в живот. Она, широко открывая рот, кричит, но меняет обойму и продолжает стрелять. Потом меняет еще одну обойму. Снова стреляет. Снизу лупят в ответ, но неточно, попадая в основном в стенку и образуя в кадре облачка мусора.

В коридоре второго этажа снова возникает растрепанная девка, идет нетвердой походкой, виляя из стороны в сторону, хватаясь за стены и двери. Оружия у нее нет, на лице гримаса боли. Она что-то обреченно кричит, рвет блузку на груди, так что пуговицы разлетаются, падает на колени и медленно, как-то боком, оседает на пол.

Блондинка в светлом расстреливает еще одну обойму, потом снова перезаряжает и стреляет. В какой-то момент автоматная очередь рвет ткань платья у нее на груди. Она, видимо, последним усилием, вытягивает ноги, утыкается подбородком в грудь и, дернувшись всем телом, замирает, так и не выпустив автомат из опущенных рук. Похоже, что умерла...

Спустя какое-то время в холле второго этажа появляется тип в песочно-коричневой сбруе. Хорошо знакомое тощее, бесстрастное лицо, верхняя часть физиономии закрыта широкой светозащитной панелью, на голове радиогарнитура с наушниками и микрофоном. Перешагивает через трупы, тыркая их носком высокого шнурованного берца. Подходит к телу блондинки в светлом. Наклоняется, явно осматривая убитую. Потом, похоже, что-то докладывает по радио и уходит вниз. Снаружи видно, как пятнистые фигуры покидают здание на фоне закатного солнца...

– Впечатляет, – сказал я. – Только зачем ты, интересно знать, мне показала это немое документальное кино? Прилетела ни свет ни заря, разбудила практически до подъема, заставила не жрамши, не срамши тащиться сюда и в итоге устроила этот, с позволения сказать, «видеосалон»... Оно действительно того стоило?

– Стоило. Кстати, а что ты можешь сказать по поводу просмотренного? – спросила неистовая Данка. Она сидела за столом напротив меня, как всегда являя образец стервозной офисно-деловой элегантности. Только приталенный костюмчик с узкой, оголявшей коленки юбкой на ней на сей раз был красного цвета и с блестящими псевдоформенными пуговицами, в сочетании с туфлями и сумочкой того же колера. Лишь коричневатая кожаная папочка из крокодила (ну или под крокодила) с бумагами сегодня несколько выбивалась из общего ансамбля. Вариация обычных понтов в ее

стиле, короче говоря. Полковник российской армии, блин... Выходит, есть еще на планете места, где шьют и даже носят модную одежду. Эх, на корриду бы тебя, голуба, в таком виде – самое то было бы. Только, увы, все это мечты, и не более того, да и где она теперь, та коррида?

– Что именно я должен тебе сказать? Как простой зритель или как профессионал?

– И тот и другой.

– В прежние, псевдополиткорректные, времена возрастной рейтинг у этой киноработы на гнилом Западе был бы никак не меньше 21+, если бы это тогда вообще разрешили кому-то показывать. И в какие-нибудь Канны сие, если можно так выразиться, кино точно никогда не послали бы. А человек, снявший его, скорее всего, сел бы в комфортабельную западную тюрьму. Это как минимум. Впрочем, в относительно недавние времена разные исламисты и прочие подобные им «оригиналы», бывало, присылали в качестве убедительного доказательства к своим требованиям выкупа похожее видео. Иногда даже и с откровенной расчлененкой. Мне довелось посмотреть подобное несколько раз и, скажу тебе честно – там были штуки посильнее того, что мы только что смотрели. Кстати, а это массовое убийство где происходило и когда?

– Полтора месяца назад, в Мексике.

– Ага. Ну, наших старых и недобрых знакомых, защищающих лучшую в мире демократию, зомбаков, я сразу же при-

знал. А этих парней и девок за что убивали, кстати говоря, если не секрет?

– Как обычно, за лишние догадки и вопросы.

– Понятно. Здорово же они, видать, кому-то насолили, раз против них послали такое... И зачем, интересно знать, эта блондинистая красавица в светлом платье вообще туда приперлась? Я, конечно, понял, что она там, видимо, была главная, но все-таки...

– Это был ее частный аэродром, а точнее, собственность ее семейства. А приехала потому, что влетела в заранее поставленную ловушку. Она якобы совершенно случайно узнала, что вот-вот будет нападение на аэродром, где находились ее люди. А предупредить по-другому было нельзя – телефон им обрезали, мобильной связи сейчас нет. Поэтому она туда и примчалась. Сорвалась чуть ли не с какого-то званого обеда...

– Чтобы умереть?

– Ну так она же не знала...

– Сомневаюсь, что она уж совсем не догадывалась о том, что ее ждет. Кстати, какие-то странные организаторы были у этого нападения. Телефон обрезали, а электричество почему-то не догадались отрубить – на записи четко видно, что в здании свет горит и камеры работают. Кстати, а чего они заодно уж и камеры не уничтожили, раз все такие из себя умные?

– Так там камеры были скрытые, и они об их существо-

вании и не знали. Они ведь все специально сделали для того, чтобы никто не подумал на этих «универсальных солдат» и их создателей – разбитый пикап и трупы ехавших в нем стрелков принадлежали одной местной, скажем так, «конкурирующей группировке»...

– Слишком явные следы всегда поневоле вызывают подозрение...

– Я тебе, майор, больше скажу – даже если бы там не было камер, в местный след мало кто поверил бы.

– Ну-ну. А чего они тогда, кстати, не расстреляли эту халупу из подствольников, гранатометов, минометов или, на худой конец, тупо не закидали ручными гранатами? Ведь там, насколько я смог рассмотреть, не было ни самолетов, ни, скажем, резервуаров с горючкой – взрываться и гореть было особо нечему. Или они штурмовали конкретно здание аэропорта и ни на что, кроме убийства тех, кто там находился, не рассчитывали?

– Ну, у местных как-то особо не принято применять тяжелое вооружение, зачастую его там просто нет, даже у тамошних армейских с этим проблемы. А кроме того, похоже, те, кто устроил нападение, не просто убивали, а явно растягивали удовольствие.

– Это как?

– Нападавшие применили хитрые спецбоеприпасы, которых еще никто до того не видел. Пули с дополнительной внешней оболочкой с высоким содержанием поваренной со-

ли. При соединении с кровью оболочка начинает растворяться, вызывая дикую боль и жжение...

– Ни фига себе... Да, схлопотать таким ядреным суперпатроном в живот – это нерадостно... Так они что – мазохисты, эти заказчики нападения с применением подобных «спецсредств»? И окончательной целью действительно было просто убийство?

– Скорее можно сказать – убийство в воспитательных целях.

– Это кого же таким макарком можно воспитать, интересно знать? Тут, по-моему, либо убиваешь, либо воспитываешь, без иных вариантов. И чем конкретно эти парни и девки провинились? Кому именно дорожку перешли?

– Если коротко – они узнали кое-что лишнее о местных мутных типах, тех самых, которые предположительно клепают для пиндосов этих «универсальных солдат» и «живые мины»...

– Погодь, ты же говорила, что у «живых мин» бразильский след, при чем тут Мексика?

– Бразилия – просто одно из мест, откуда они легально получали человеческий и прочий биоматериал, а главное находится в Мексике, поближе к «заказчикам».

– Ладно. Допустим, они узнали нечто лишнее, и что с того?

– Эта светловолосая – Саланж Линарес. Ее семья – богатейшие плантаторы, которые контролируют обширные тер-

ритории в мексиканских штатах Веракрус, Табаско, Кампече, Чьяпас и еще кое-где. В основном это та часть Мексики, где горы и джунгли – побережье Мексиканского залива...

И неистовая Данка извлекла из своей крокодиловой папки фото. На снимке улыбалась, явно не зная, что ее ждет, та самая, покойная, блондинка с только что просмотренной видеозаписи. Только на цветном и явно «художественном» снимке выглядела она много привлекательнее, чем на видео.

– Латифундисты, значит? Эксплуататоры?

– В тебе что, майор, генетически засел где-то в темных глубинах подсознания член комитета колхозной бедноты или председатель сельсовета? Что это за дурацкие понятия из прошлого века? Да, их можно назвать и так. Но они не только землевладельцы. Сейчас в Мексике, как и в большинстве стран, правит чрезвычайная военная хунта. Хунта, как водится, испытывает нехватку буквально всего, от горючки и патронов до профессиональных солдат. Соответственно, военные и полиция контролируют только крупные города, да и те в основном днем. Вся реальная власть в руках у местных семейных кланов. И эти самые Линаресы – одно из наиболее могущественных семейств. А кроме того, семейка Линаресов – ребята с очень длинной родословной, как и положено тамошней аристократии.

– А точнее?

– Точнее – они наиболее влиятельные в местных кругах монархисты.

– Там что, еще и монархисты есть? В Мексике же с этим была полная каша – то Бурбоны, то бандюки какие-то, если я не ошибаюсь, да и существовала там монархия относительно недолго, кончившись где-то в начале XIX века? Или я чего-то путаю?

– Ничего ты не путаешь. Все верно. Семья Линаресов – прямые ближайшие родственники последнего мексиканского императора Агустина Итурбиде (он же Августин), свергнутого в 1823 году...

– Настоящие, а не какие-нибудь конченные полудурки в стиле «регента Алексея Бруммеля» или фильма «Корона российской империи»? Том, где «короноваться должен я, а не лысый»?

– Да нет, вроде как настоящие. Причем родной дядя убитой Саланж, Эдуардо Линарес, действительно реально претендует на мексиканский престол. Правда, дяденька уже старый, ему скоро семьдесят, и прямых потомков у него нет. Поэтому вторая после него вероятная претендентка на несуществующий мексиканский трон – это Ларисса Линарес, старшая сестра покойной Саланж...

И на стол передо мной легли еще две цветные фотографии. На одной был пожилой седоватый мужик благородной внешности, чем-то напомнивший мне то ли генерала Франко, то ли Луиса Корвалана, этакий благородный идальго с густыми усами. На втором снимке смотрела в объектив фотокамеры красивая темноволосая женщина, слегка похожая

на убитую Саланж, только явно постарше и черты лица более правильные. Кого-то она мне тоже напомнила. Что-то знакомое, из детства или юности. Слегка наморщив извилины, я вспомнил – по-моему, она была чем-то неуловимо похожа на американскую актрису Кэтлин Тернер, ту, что светилась в «Детектив Варшавски», «Роман с камнем» и прочих древних фильмах. Только мексиканская дамочка выглядела явно поживее и посвежее, да еще означенная американка была блондинкой, а эта, как сказал бы наш дорогой комбриг Уколов, «брунэтка».

– Им там чего – больше заняться нечем? – спросил я, отодвигая от себя фотографии. – С жиру бесятся, буржуи недорезанные? Лучше бы гарный урожай папайи или каких других фруктов, а то и простой кукурузы со своих угодий собирали и хорошо питались. А что сами не сожрут. меняли бы на что-нибудь полезное в хозяйстве. Не жизнь была бы, а малина....

– Ну, дурью они маются не больше, чем все прочие. Ты думаешь, будь у нас, в России, сейчас чрезвычайный режим хоть малость помягче – не нашлось бы приличного количества сторонников реставрации монархии и династии Романовых? Для кризисных времен это вполне обычный задрог. Только в нынешней Мексике кроме генералов, которые, разумеется, не хотят реставрации монархии, есть еще и левый фронт «сапатистов», для которых идеалом вообще, видимо, является анархия. И с «сапатистами» воюют и генералы, и

монархисты, и плантаторы, и наркомафия.

– «Сапатисты» – это в честь Эмилиано Сапаты, что ли? Из той же оперы что и Панчо Вилья?

– Ага.

– Понятно. Стало быть, у них там, как и везде сейчас, полный букет – Петлюра, Махно, Тютюник и прочие атрибуты обычной гражданской войны. И что дальше?

– Короче, это влиятельнейшее семейство. Кстати, как ты верно отметил, в довоенные времена изрядную часть доходов семейства Линаресов составлял наркотрафик на территорию США. Поэтому, как почти и все там сейчас, Линаресы имеют небольшую частную армию и еще много чего интересного. А по соседству с ними сидят явные чужаки. И в классовом и национальном смысле.

– Кто такие?

– Некто Сантосы. Ну, то есть как Сантосы. Голимые немцы из-под бывшего Бреслау на самом деле. Девичья фамилия – фон Шоберт. Землю в Мексике прикупили впрок еще во времена Великой Депрессии, а понаехали на ПМЖ уже после 2-й мировой. Говорят, что явные нацисты, причем фон Шоберт-старший вроде бы служил у Гиммлера...

– Черный эсэс? И кем конкретно служил?

– Говорят – что-то по сугубо концлагерной части, но как-то умудрился отскочить от суда и веревки. Возможно, потому, что был в небольших чинах или имел хорошие связи в определенных кругах. Так или иначе, но после Второй ми-

ровой деньги у них водились, а чуть позже сын фон Шоберта Зигфрид женился на одной местной красотке, и они вроде как стали природными мексиканцами. Правда, эти Сантосы, с которыми породнились Шоберты, всегда считались аристократами весьма захудалыми, которые в плане собственности, влияния и родословной тем же Линаресам и в подметки не годятся...

– Пряма Санта-Барбара какая-то, только лежащего в коме Си Си Кэпвелла не хватает... Ты, пани полковник, давай-ка лучше ближе к делу, а то я пока что так и не врубился, при чем здесь я...

– Сейчас поймешь, дойдем и до сути дела. Так вот, вообще-то Сантосы и Линаресы никогда раньше близко не соприкасались и тем более не враждовали, поскольку Сантосов никто из местных благородных донов традиционно не считал за людей и нос от них воротил. Ну да они особо и не обижались, стараясь делать карьеры в банковской и торговой сферах. А вот после Долгой Зимы все вокруг вдруг невзначай заметили, что у Сантосов начались какие-то обширные и разнообразные дела с американцами. Из США к ним и от них в США начали довольно интенсивно летать самолеты, в основном гражданские борты в грузовом исполнении. И с самого начала стало понятно, что они возят что-то тяжелое и ценное. И, видимо, им за это очень хорошо платят. Хотя бы потому, что у Сантосов и сейчас находятся средства для аренды аэродромов, а это очень недешевое удовольствие. Учитывая,

что в наше время за подобные услуги берут не деньгами, а, как раньше говорили, «бартером»...

– В каком смысле – аренда аэродромов? От Штатов до Мексики и посуху вроде не особо далеко. Зачем же самолеты гонять?

– Затем, что посуху там сейчас не проберешься. Стенку против нелегальных мигрантов на американо-мексиканской границе построили еще до войны. Потом, по мере ухудшения обстановки, ее все время укрепляли. До Долгой Зимы американская армия проводила кое-какие «миротворческие операции» на территории Мексики, но потом были заблокированы последние КПП, взорваны мосты и заминированы дороги. Более того, Долгой Зимой американо-мексиканскую границу весьма густо заминировали, засорив с вертолетов неизвлекаемыми «умными» противопехотками, а потом вообще усилили автоматическими огневыми точками и подвижными «автоматками». Параллельно заминировали и Мексиканский залив, так что сейчас граница между Мексикой и Штатами стала практически «неперелазной». А значит, все перевозки могут быть только по воздуху, тем более что не так уж там и близко – от интересующих нас мест до территории США километров 800, не меньше. А сейчас никакого регулярного авиасообщения как такового между странами и континентами нет. В поместье у Сантосов имеется только грунтовая ВПП и вертолетные площадки. Но на самолете местных линий до Штатов, разумеется, не долетишь,

а если долетишь, то ничего путного не привезешь, тут основательный транспортник в духе «Ил-76», а лучше «Антея» или «Руслана» требуется. А приличные аэродромы с длинными бетонными ВПП и еще сохранившейся соответствующей инфраструктурой в Мексике контролируют или те, кто побогаче, или военные. Вот с ними Сантосы и договариваются. Система простая – прилетает какой-нибудь грузовой «Боинг», садится в арендованном заранее аэропорту. Туда приходит транспортная колонна от Сантосов с солидным вооруженным прикрытием. Разгружают самолет, грузят на него то, что привезли с собой, и аэроплан, дозаправившись, улетает. Несколько раз они арендовали аэродромы и у Линаресов. Рассчитывались всегда аккуратно, разным дефицитом вроде медикаментов. Спустя какое-то время Линаресам стало жутко интересно – а что они там такое возят? Поскольку несколько раз за грузом Сантосов прилетали не только гражданские «Боинги», но и транспортные самолеты ВВС США вроде «Старлифтеров», без номеров и опознавательных знаков. У Линаресов всеми этими авиационными делами занималась как раз покойная Саланж, как глава семейной транспортной авиакомпании. Там, конечно, не авиакомпания, а одно название, поскольку техники и топлива мало, а летать без риска можно только в сторону Южной Америки, но тем не менее... Саланж довольно долго подбиралась к Сантосам и их грузам. Потом внедренные ей люди наконец сумели рассмотреть и даже заснять груз. Оказалось, что помимо проче-

го в Штаты уходит некий длинномерный груз в морозильных криокамерах. Причем на криокамерах были бирки с надписями о том, что это «собственность армии США». Чуть позже проверили и сами криокамеры – оказалось, что там человеческие тела в заморозке, а все прочие грузы вроде наркоты и фруктов в самолеты загружают в основном для отвода глаз.

– А дальше?

– А дальше один из людей Саланж попался. Сантосы его, естественно, качественно раскололи, вычислили утечку и решили примерно наказать заказчиков. Ну и наказали, как ты уже успел убедиться по просмотренной записи.

– И что с того? Припугнули они Линаресов, может быть, и качественно. Только ведь в тех местах народ, насколько я могу предполагать, суровый и горячий до полного самовоспламенения. Эти горе-некроманты и потомки эсэсовцев всерьез решили, что им за этот эпизод не отомстят? Да их же теперь в порошок сотрут...

– Все верно. Как оказалось, «дельный совет» припугнуть Линаресов подобным кровопролитным образом дал Сантосам их давний знакомец – американский военный атташе в Мехико полковник Аронсон. Такую медвежью услугу могли оказать только пиндосские олигофрены, которые традиционно ничего не смыслят в реальной жизни, которая происходит вокруг них. Собственно, этого самого атташе уже взорвали, вместе с лимузином, охраной и любовницей. Красиво, публично и при большом стечении народа, столь каче-

ственно, что мелкие фрагменты тел пришлось долго искать на городской улице среди обломков. Зато теперь оставшиеся в штате посольства США в Мехико несколько сотрудников совсем не кажут носа за забор своей дипмиссии (а по периметру забора круглосуточно дежурят патрули местной армии, усиленные броневиками), «во избежание провокаций и дальнейших терактов»...

– Удивляюсь, что пиндосы не кинули после этого на Мехико ядрену бомбу. Они же могут...

– А с чего это вдруг? Атташе-то официально грохнули «сапатисты», как проклятого империалиста и поджигателя войны. Столичная полиция это уже убедительно доказала. А отношения у пиндосов с местными генералами, да и с многими бывшими и действующими наркобаронами, не скажу что дружеские, но в общем и целом ровные. Так зачем они будут сами себе праздник жизни портить?

– Понятно. И кого взорвут следующим?

– Ну, тут возможны различные варианты. Хотя бы потому, что Ларисса Линарес вдруг оказалась подругой Дегтяревой. Не то чтобы сильно близкой, но тем не менее....

– Это какой Дегтяревой?

– Ну нашей Анжелки. Она же перед самой войной, как оказалось, работала под прикрытием не только в Бразилии, но и здесь. Разумеется, тогда у нее были другие имя, фамилия и лицо, и служила она по своему прежнему месту жительства, то есть в израильских спецслужбах...

– Понятно. Галушка, она же Брежнева, она же Киперман. И чего она там потеряла, в Мексике-то?

– А я там что в те же времена делала? Она тогда разрабатывала контакты арабских смертниц из всяких «сестер пророка» и «дочерей джихада», которые первыми применили методы, очень схожие с нынешними «живыми минами». И уже тогда у еврейских спецслужб появились первые зацепки насчет того, что следы этих весьма продвинутых взрывных технологий, помимо прочего, ведут не только в Бразилию, но и в Мексику. Анжелка тогда имела очень хорошую легенду – сумела успешно внедриться в тамошний социум, даже начала определяться на месте, заводить знакомства, контакты, связи и прочее. Но тут на Ближнем Востоке началась война, потом была Долгая Зима, и про те дела все благополучно забыли. И вспомнили только недавно, когда вдруг объявились все эти «мины» и прочие «зомби». Ну, то есть как вспомнили – Ларисса Линарес, которая тоже далеко не дура, еще тогда установила по своим источникам, что Дегтярева работает на израильтян. Опять же, она помнила, что Анжелка, помимо прочего, тогда интересовалась и Сантосами. От Израиля сейчас, понятное дело, остались одни воспоминания, но Линаресы начали пытаться восстановить кое-какие старые контакты. По счастью, вышли на людей генерала Тпругова. В Мехико очень кстати оказался наш резидент, который работал там еще с довоенных времен и был, что называется, в теме. В общем, разведка вывела нас, в лице Анжелки,

на Линаресов, у которых теперь есть еще и железный мотив кровной мести за убиенного члена семьи...

– И чего из этого? Мочи козлов? Мексиканский вариант корсиканской вендетты, блин...

– А того, что надо ехать, майор.

– Таки да, Абрам, ехать надо... В Мексику, где очень много вооруженных мудаков, текилы, кактусов и прочей дури? А на фига?

– Нам необходимо как максимум уничтожить, а как минимум прервать весь этот их «производственный процесс». При этом желательно захватить базы данных и документацию. По «универсальным солдатам», «живым минам», биологической взрывчатке и прочему.

– А если это не Сантосы?

– Да Сантосы, это точно. Конечно, они могут работать и не в одиночку, а вместе с другими заграничными поставщиками. Но те, кого мы ищем в Мексике, – это однозначно они. Других там просто нет.

– Задам ставший уже стереотипным вопрос – а мы-то здесь при чем? Оно мне надо?

– Так там же явно придется штурмовать фазенды Сантосов, вокруг которых стоят и мины и инженерные заграждения. Да и своих зомбаков-унисолов они, как ты видел на записи, иногда применяют, хоть и в небольших количествах. В том нападении на аэродром участвовало десятка полтора таких уродов.

– Понятно. Больше, видимо, как обычно, некому?

– Угадал. А в современной российской армии кое-какими навыками по борьбе с автоматизированными боевыми системами и биороботами противника владеет только одна-единственная воинская часть. И это – ваша бригада. Не сочти за комплимент, майор, но ни спецназ ГРУ, ни ВДВ, ни какие-нибудь морпехи ни с чем подобным еще не сталкивались. Видимо, именно вам придется всю остальную нашу армию обучать бороться с этой заразой...

– Стало быть, мы сейчас те, кого у нас нет?

– Чего-чего?

– Эх ты, начальник, сама знаешь, где чайник... Получается, что мы – незаменимые. А как говорил товарищ Сталин: «Незаменимых у нас нет»... И в качестве кого мы там будем?

– Официально, на случай, если кого-то из вас придется, скажем, вызволить или выкупать из плена, вы будете числиться группой советников при нашей военной миссии в мексиканской армии.

– Что – там и такая есть?

– Да есть, только служит в ней ровно полтора человека, так же как и в местной военной миссии США, кстати говоря. В общем, бумаги на этот счет уже оформлены. А неофициально вы будете на полном пансионе у Линаресов, прикидываясь обыкновенными наемниками, которых в тех краях сейчас тоже пруд пруди, причем 75 % из них – стопроцентные американцы. Будете выполнять нашу основную задачу

и параллельно помогать им качественно отомстить Сантосам. В Мексику прибудете полулегально, чтобы не светиться лишний раз. Но это уже детали. Подполковник Дегтярева поедет вместе с вами. Будет отвечать за контакты с принимающей стороной и научную часть. Я тоже собираюсь там появляться, но я в данном случае лицо официальное, что создает для меня дополнительные сложности. Все документы насчет предстоящей экспедиции уже лежат у вашего комбрига.

– Обрадовала, блин. Сколько народу брать?

– Как обычно, полтора-два десятка, лучше всего тех, кто уже был в деле. Особенно этим летом в Канаде. Вооружение и прочее брать по максимуму. Просите любые технические новинки – получите без вопросов. На подготовку вам неделя. Хватит?

– Если за это время, досрочно, в окопе от страха не умрем и если нам снайпер не сделает дыру – хватит. Да, вот еще что – у нас в бригаде вообще-то никто по-испански не петрит...

– И что?

– Однако, давай толмача-переводчика, а то на твою Дегтяреву в этом плане надежи мало. А я и прочие, даже проштудировав разговорник, сможем разве что пленного через пень-колоду допросить, и не более того...

– Уже.

– Чего «уже»?

– Со мной прибыли два специалиста, которые прикомандировываются к вам на время предстоящей операции. В во-

енном плане они, конечно, люди не сильно профессиональные, но язык знают от и до. Документы на них у комбрига возьмешь, а потом можешь и лично побеседовать...

– Всенепременно.

– Ну и отлично, раз так, – сказала неистовая Данка, вставая. – Тогда бывай, майор. Мне давно пора улетать. Еще увидимся...

Дождь уже кончился, и в разрывах между серенькими тучками слегка проглядывало осеннее солнышко. Глядя в окно, как Данка идет по мокрому плацу от штаба к машине, а топаящая мимо нее строем рота бойцов, сделав без команды равнение направо, откровенно раздевает пани полковницу глазами, я ощутил смутное беспокойство. Командировочка предстояла та еще. В смутно знакомую нам в основном по сериалам страну у черта на куличках, где очень жарко и говорят на непонятном языке. Откуда-то из мутных глубин памяти некстати всплывали то рабыня Изаура в кринолинах на пару со злодеем Лионсио во фраке, то тоже плачущие богатые с Луисом Альберто, Марианной и злодейкой Лореной, то чернобровая Просто Мария, то какой-нибудь Дикий Ангел с голой попой (хотя чего это я – Плачущие богатые с Просто Марией – это действительно Мексика, а вот Дикий Ангел – это вроде бы вообще Аргентина, а «Рабыня Изаура» – это вообще классика бразильской литературы, или я чего-то путаю? эх, проклятая несовершенная память...) – заезженные временем до дыр и мозолей стереотипы из древних мыльных

опер. Привычно, но, как обычно, неприятно...

Я закрыл кабинет, где мы смотрели видео, и пошел в штаб, где меня ждали разные интересные. Пачка бумажек, сопровождающих организационную часть нашей предстоящей операции, оказалась действительно изрядной. Я бегло просмотрел документы, подписав то, что надо было подписать немедленно. Потом забрал личные дела «прикомандированных специалистов» и, приказав дежурному срочно явить пред мои светлы очи старшего сержанта Хамретдинова, ушел к себе.

Там, исходя из объективной реальности и сверяясь со списком личного состава (кое-кто из нужных мне людей вполне мог быть «на боевых», а также, скажем, в госпитале или в отпуске), я накидал приблизительный список «участников предстоящего банкета». Вышло примерно так. Из офицеров – я, Тупикова, Пижамкина и Симонов. А кроме того – Хамретдинов, Георгиев, Продажный, Киквидзе, Ала-лыкин, Проявко, Мамонтов, Итенберг, Буханов, Полунин, Хучанбергенев, Полупетров, Ивашутин и Гладкин. То есть с учетом «прикомандированных» выходило как раз нужное начальству количество народу.

Потом я попытался прозвониться офицерам. Симонов, как оказалось, был на аэродроме, на полетах. Это довольно далеко от нас, поэтому я оставил для него «телефонограмму» с приказом прибыть ко мне к 18.00.

Тупикова была на танкодроме, а Пижамкина, которую (не

без моего, в том числе, ходатайства) наконец перевели из ремроты на должность инструктора по стрелковой (а точнее сказать, снайперской) подготовке, вела занятия на стрельбище. В этих местах их к телефону так просто фиг подзовешь. Но это было уже не столь далеко, практически в нашем расположении. Именно поэтому я решил навестить их лично.

Между тем наконец явился Рустик Хамретдинов, которому я объяснил, что с этой минуты он опять поступает в мое распоряжение, после чего приказал ему бросать все дела и срочно оповестить и доставить ко мне к 18.00 весь обозначенный в списке сержантский состав.

– Зачем, тарищ майор? – на всякий случай поинтересовался Рустик. Судя по его довольной физиономии, ему эта неожиданная рокировка была вполне по душе.

– А военная тайна. Но тебе, как адъютанту и к тому же своему в доску, скажу прямо – опять поедем в далекую экзотическую страну разные подвиги совершать.

Он сразу воодушевился и, забрав список, поскакал выполнять приказание.

Я же запер кабинет и двинул встречаться с нашими офицерами. В принципе до бригадного танкодрома всегда можно, в порядке прогулки, дочапать и пешком (при штабе, конечно, есть пара «уазиков», но в пределах нашего расположения даже комбриг старается ходить пешком – есть начальственная директива о всемерной экономии топлива), но сейчас, после дождика, было довольно грязновато. Да к то-

му же кстати подвернулся попутный топливозаправщик. Так что на танкодром я прибыл в провонявшей солярой кабине «Урала».

По приезде, на командной вышке танкодрома дежурный указал мне, где должна быть Тупикова. Пройдя немного в нужную сторону, я увидел, как тяжелый, камуфлированный Т-94, разогнавшись до максимальной, резво перескочил приличной ширины противотанковый ров и, подняв тучу брызг грязи и едва не зацепив стволом пушки землю, лихо подкатил к стоящей поодаль группе солдат в танковых шлемах, возглавляемой тощим младшим лейтенантом по фамилии Клюшкин. Три с половиной веселых друга. Vier Panzerfahrer und ein Hund...

Двигатель танка рыкнул в последний раз и, наконец, заглох. Потом сдвинулся люк механика-водителя, и из него показалась симпатичная голова в ребристом танкошлеме.

– Федотов, ушлепок рязанский, – сказала голова знакомым девичьим голосом танкисту, вылезаящему из командирского люка рядом с артустановкой. – Ну теперь-то ты понял, как это надо делать? Нельзя перед рвом сбрасывать скорость и темп терять! Уразумел?

– Так точно, товарищ старший техник-лейтенант, – ответил уже сползший на землю с брони танкист – угрюмый, невысокий курносый крепыш в великоватом шлемофоне, видимо, тот самый Федотов.

– Тогда в танк на место мехвода, и на исходную! Повто-

рить упражнение еще раз! – приказала Машка и грациозно полезла из люка целиком – черный комбез в обlipку, перетянутый широким кожаным ремнем, из-под шлема на воротник комбинезона свешивается коса, глаза, как обычно, си-не-наглые.

Я до поры до времени стоял за спинами бойцов и помалкивал в тряпочку, но уже через секунду Машка распознала меня и мгновенно преобразилась.

– Аа-атдил-ление! Кры-ыгом! – гаркнула она. – С-Сыр-на!

Танкисты разом повернулись лицом ко мне и замерли, изобразив видимость строевой стойки. Я сделал шаг навстречу шеренге, а Тупикова, старательно пародируя строевой шаг, рванула мне навстречу. Подойдя вплотную, бросила ладонь к шлемофону.

– Товарищ майор, провожу практические занятия по вождению техники с экипажами танковой роты! Старший техник-лейтенант Тупикова!

– Вольно, орлы, – ответил я. – Продолжайте занятия, а вас, старший лейтенант, попрошу на два слова.

Танкисты во все глаза разглядывали нас. После февральского награждения и я и Тупикова считались в родном подразделении личностями практически легендарными. Не скажу, что мне это нравилось, но, с другой стороны – должны же быть у нас в бригаде хоть какие-то герои? Сам я на сие высокое звание, понятное дело, не претендую, но все-таки совсем без героев на любой войне тяжело...

– Что такое, тарищ майор? – спросила Машка, когда мы отошли в сторонку.

– Во-первых – здравствуй. Как говорили в одном старом кино – какая радость, какая приятность. Ты чего это, подруга боевая, опять сама рычагами шуруешь? – спросил я. – Никак опять проштрафилась, мать?

Тут я несколько загнул – за последний месяц за Машкой не числилось никаких крупных грешков. Хотя, может, я чего не знаю?

– Обижаете, тарищ майор. Сами же талдычите, что на личном примере и в поле с личным составом работать завсегда нагляднее и полезнее для общего дела...

Выучила фразочку, надо же...

– Ну-ну. Тогда, правильная ты наша, явишься к 18.00 ко мне в кабинет.

– Это еще зачем? – захлопала Машка ресницами. Видимо, решила, что я ее в очередной раз буду воспитывать.

– Кофей со сливками пить. Ты совсем-то глупых вопросов не задавай. А вообще – нам опять предстоит невероятно секретное задание в очень далеких краях.

– Да?! – заметно оживилась Машка, очень не любившая рутинные моменты воинской службы, вроде воспитательных промываний мозгов. – Значит, опять полетим куда-нибудь за океан?

– Типа того. В общем, надеюсь, ты все верно поняла.

– Так точно. Только это, тарищ майор...

Машка как-то замялась.

– Чего «это»?

– Да после прошлого раза Наташка с нами просилась...

Стало быть, и Метельской тоже сильно хочется посмотреть чужие края, да еще и задаром. Ну-ну....

– А ты уверена, что она справится?

– Да более-менее.

– А по здоровью ее медики пропустят? После очень тяжелого ранения, которое, кстати, было не так уж давно?

– Наверное. Вроде все свои дырки она залечила...

– Как-то ты не очень уверенно отвечаешь, Машенция. Если ты лично поручаешься за нее и медицина не будет возражать – я не против. Так и передай. Только официальный допуск от врачей принести мне, желательно прямо сегодня, если успеет, конечно. Ну, и, если успеет – пусть явится с тобой на пару, в 18.00...

– Бюрократ вы все-таки, тарищ майор.

– Поговори у меня. Если бы ты только знала, сколько мне по поводу каждого из вас, оглоедов, приходится писать и подшивать разных бумажек, ты бы рыдала навзрыд. В общем, явишься в 18.00. А пока иди, веди занятия, а то бойцы уже заждались.

Тупикова повернулась через левое плечо и изящной рыбкой нырнула в командирский люк танка, в котором на месте мехвода уже томился тот самый Федотов.

Танк оглушительно взревел и, окутавшись синей соляро-

вой гарью, резво рванул с места на исходную позицию.

А я потихоньку поперся дальше. На мое счастье, с танкодрома как раз шел попутный бортовой «Урал». Водила, сержант из старослужащих по фамилии Лозгачев, был мне смутно знаком – как-то еще Долгой Зимой мы оказались в одной колонне в районе Хромтау. Точнее, он сиганул из кабины горящего грузовика в канаву, где до этого уже залег я – чуть ли не мне прямо на голову. А потом мы с ним на пару отстреливались от духов и сообща отходили. Так или иначе, он меня помнил еще по старым временам.

– Как ваше ничего себе, товарищ майор? – поинтересовался Лозгачев, увидев меня.

– Да по-всякому, сержант, – ответил я и, забираясь на сиденье рядом с ним, добавил: – У поворота на стрельбище притормози, будь другом.

Он молча кивнул.

Когда наша машина подъехала к нужному повороту, я увидел, как в направлении от стрельбища по обочине дороги топает, тщательно имитируя строй, человек десять грязноватых фигур.

Все были в мохнатых снайперских костюмах типа «леший» или что-то вроде того, на плечах СВД. А замыкающей, на некотором удалении от этой группы, топала явно женская фигурка, много ниже других ростом, в столь же грязном, но более заковыристого вида костюме и с зачехленной волыной на плече. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

– Стой, – сказал я водителю и вылез из кабины.

Грузовик тут же уехал, а я остался на перекрестке, поджидая эту снайперскую братию.

И здесь до моих ушей долетел какой-то приглушенный звук, а потом я вдруг понял, что они при движении строем поют что-то такое, соответствующее текущему моменту.

При ближайшем приближении идущей не в ногу, но старающейся держать строй маленькой колонны, я сумел наконец разобрать слова и понял, что именно они поют. Как ни странно – бессмысленную военно-строевую, из известного когда-то мультфильма про Ивана Царевича и Серого Волка.

– ...Слушай мою команду, друг, строго нам скажет политрук! Топнем, враги все вздрогнут вдруг, нам прокричат – ура!..

– Стой раз два! – скомандовала маленькая фигура голосом Светки Пижамкиной. Это действительно оказалась она, тут трудно было ошибиться.

– На-апра-аво! Сы-ырна! – скомандовала Светка и, выйдя вперед перед замершим строем, доложила, приложив руку к козырьку мятого камуфляжного кепаря с офицерской кокардой:

– Товарищ майор! Группа курсантов-снайперов следует в расположение после тактических занятий! Инструктор группы лейтенант Пижамкина!

– Вольно, – сказал я бойцам и добавил: – Следуйте дальше, а вы, лейтенант, ко мне.

Бойцы несколько стусевались, а Светка изобразила лицом непонимание.

– Командуй своим орлам продолжать движения, – пояснил я. – А я маленько прогуляюсь с тобой. До расположения.

Светка рывкнула подчиненным нечто невнятное, вроде «пшшли-на», и они медленно потопали дальше, в том же направлении, но уже без песни.

Светка внимательно и несколько вопросительно смотрела на меня. Все наши с ней потетешки на данный момент ограничились целованием в уста на борту самолета, по пути домой с крайнего заграничного задания. Нас тогда никто не увидел, а особого продолжения все это не имело. Во всяком случае, с того самого момента Светка не искала возможностей встретиться или уединиться. Почему – фиг ее знает...

– Здравствуй, Светлана Афанасьевна, – сказал я и поинтересовался: – А что это был за цирк?

– А что, плохая строевая песня, тарищ майор? Или нам лучше петь что-то типа: «А в ночи тревога солдат сбивает строй, банда генералов нас гонит на убой»?

– Ого... Пугаешь ты меня иногда, Светлана, своей образованностью. Гляди-ка, даже неканонический русский перевод «Лили Марлен» знаешь...

– Стараюсь, тарищ майор. Так вам что-то в песне не понравилось?

– Да нет, вполне нормальная песня, даже одобряю. Только в присутствии начальства петь не советую – могут не просто

не понять, но и начать разные неудобные вопросы задавать.

– Я так поняла, что вы сюда приехали не о песнях разговаривать? – уточнила Светка. – По вашим глазам видно, что что-то случилось. Так что случилось, тарищ майор?

– Да ничего особенно страшного. Просто как прибудешь в расположение – приведи себя в порядок и вечером, к 18.00, ко мне.

– Что, опять?

В ее голосе не было тревоги, скорее интерес и некоторое волнение, как и у Машки Тупиковой. Иди пойми эту молодежь...

– Не опять, а снова, Светлана. На войну, на чужую сторону.

– А куда?

– Военная тайна. Лично объясню. В 18.00.

Светка на это только усмехнулась. Дальше мы шли молча, благо от стрельбища до расположения недалеко – всего километра два с половиной.

Расставшись со Светкой, я вернулся в кабинет, где меня ждали личные дела «прикомандированных».

Минимум чем через час в мою дверь вежливо постучали и отрекомендовались:

– Младший лейтенант Дятлова по вашему приказанию прибыла!

– Входите, – пригласил я.

И вот сидит на стуле передо мной этакое чудо в перьях,

весьма товарной внешности. Вообще, как я заметил, в нашу бригаду попадают служить вполне симпатичные девчонки (хотя сейчас, в условиях, когда народ в армию берут без разбора, невзирая на пол и возраст, это, в общем-то, и не удивительно), и тем не менее – эту младшую лейтенантшу в прежние времена можно было легко представить на подиуме, в телешоу или на эстраде, в составе какого-нибудь девчачье-писюкавого «вокального коллектива», а отнюдь не в армии. Новоприбывшая сидела передо мной, старательно сведя коленки вместе, смущаясь и слегка краснея, а я разглядывал ее, сверяясь с фото в лежащем передо мной личном деле. Правильные черты лица, пухлые губешки, зеленые глаза, длинные светлые волосы (натуральная, кстати, блондинка, а не какой-нибудь пергидроль – темных корней волос незаметно) стянуты в хвост, нижние и верхние выступающие части очень даже ничего, кисти рук тоже довольно изящные.

И это все в сочетании с малообмятой офицерской униформой (китель слегка великоват, а форменная юбка при уставной длине не очень узкая, то есть по фигуре прикид она явно не подошла или еще не успела подогнать, в отличие от наших бригадных выпендренниц, вроде той же Машки Тупиковой) с одинокой «микромайорской» звездочкой на погонах. Плюс к этому чулки уставного цвета и уставные же туфли на минимальном каблуке. Хотя при всем при том, личико вроде не тупое и глаза вполне живые. Производит вид неглупенькой девочки. Ладно.

Я пролистнул страницу ее личного дела (собственно, я его бегло посмотрел накануне, но ритуалы в нашем деле вещь не последняя) и изобразил на лице крайнюю задумчивость.

Так, так. Дятлова Кристина Георгиевна. Мать, Дятлова Снежанна Брониславовна, из Питера. В 2002-м, будучи студенткой четвертого курса филфака, устроилась на лето подработать в какой-то турфирме. По работе приехала в Париж. А там, как говорится, «понеслась судьба по кочкам». Как аккуратно написал составлявший личное дело чинуша-кадровик: «близко сошлась на почве интимно-половых отношений с сотрудником посольства Польской республики во Франции». Интересное кино, за одно это дорогую Снежанну Дятлову сейчас могли засунуть в лагерь на пожизненное, однако, видимо, почему-то не засунули-таки... Ладно, читаем дальше. Звали этого польского дипломатишку Ежи Станислав Гжмот-Скотницкий. Если так, то почему его дочь Георгиевна? Тьфу ты, ведь у поляков Ежи – это как раз уменьшительное от Георгий. А Гжмот-Скотницкий – смутно знакомая фамилия. Интересно откуда? А, кажется, у них в сентябре 1939-го был какой-то генерал с таким погонялом. Может, отдаленный предок? Черт его знает. Кстати, а почему тогда наша младший лейтенант Дятлова, а не Гжмот-Скотницкая (ох и задразнили бы ее, с такой-то фамилией...)?

Ладно, читаем дальше. Видимо, роман у питерской студентки с этим ляхом был бурный, поскольку менее чем через год после их встречи и родилась сидящая передо мной

младший лейтенант Дятлова, она же «дочь Кристина». Польский папаша ее, наверное, «Крысей» или «Крыськой» ласково называл. Ну да, принимая во внимание личность папаша, с имечком все понятно – у пшеков (да, кстати говоря, и не только у них) оно довольно популярное. Ладно.

Брак папаша и мамаша нашей Кристины зарегистрировали-таки только через полтора года после рождения дочери. При этом мамаша Снежанна почему-то сохранила российское гражданство. Экая патриотка нашлась. Прямо-таки врач Лидия Тимашук, у которой отобрали орден Ленина... Ну-ну. Хотя в Европах нас тогда очень сильно не любили (да и сейчас не особенно-то любят), и, исходя из этого, понятно, почему Кристина носит материнскую фамилию. Видимо, папочка был скользким и политкорректным типом.

Далее, мамаша (кстати, бросившая по уважительной причине любви и женитьбы филфак питерского универа) с этой самой дипломатической дочерью таскалась следом за муженьком по европейским странам, а он до крендеца успел поработать в Париже, Лиссабоне, Сан-Марино, Мадриде, Брюсселе и опять в Мадриде. Соответственно, девка почти до 14 лет прожила за бугром и училась в тамошних школах. Отсюда, видимо, приличное знание языков. Как записано в личном деле, кроме родного русского – английский, испанский, португальский, французский и польский. Наблатыкалась, стало быть. Когда в Европе началась основная заварушка, ее папаша находился в Париже и умудрился погибнуть в

первые же дни исламского бунта. А Кристина с матерью, в статусе то ли беженцев, то ли дипломатической родни, кое-как добрались до Варшавы. Но в Польше у покойного Ежи Гжмот-Скотницкого не осталось никаких близких родственников, соответственно, местные власти вежливо посоветовали скорбящей вдове с дочерью скоренько убираться по месту гражданства, пока их там не посадили, с русским-то происхождением.

Как написано в деле, Снежанна Дятлова с дочерью вернулись на родину, в Питер, где у них была вся родня. Далее, в деле подшита бумага из ГТП о том, что в течение полугода Снежанна и Кристина Дятловы «проходили углубленную проверку на лояльность» и никаких грехов за ними выявлено не было (то есть в проверочном лагере они все-таки посидели, а значит, усвоили, почем нынче фунт лиха). Далее Снежанна Дятлова начала работать в Питере преподавателем иностранных языков. Они кое-как пересидели Долгую Зиму. Потом Кристина окончила школу. В соответствии с «Положением о распределении людских ресурсов в Чрезвычайный период» ее направили по разрядке на годовичные курсы военных переводчиков, которые она окончила досрочно, за полгода. Как написано в деле, «благодаря отличному знанию языков и хорошим способностям». То есть надо понимать, что учить ее на тех курсах было особо нечему. Далее ей предложили пройти дополнительное обучение по какой-нибудь военной специальности. Кристина выбрала «пи-

лота-универсала сухопутных войск» (коллега нашего Симона, надо же...), поскольку, как аккуратно указывалось в деле, «в детстве получила навыки первоначального обучения по управлению легкомоторными самолетами и легкими вертолетами типа «Робинсон». Как видно, покойный папа-дипломат постарался. Коли так, то она наверняка еще и игре в гольф с верховой ездой обучена...

Два года наша Кристина училась в ПУПАА – новообразованном Псковском училище пилотов армейской авиации. Только что окончила сие учебное заведение, «в целом с хорошими показателями». По окончании училища направлена к нам в бригаду, видимо, с подачи неистовой Данки (или ее начальников), отсмотревших личные дела выпускников. Вот и вся биография.

Единственная закавыка – положим, испанский-то она знает отлично, но в Мехико или вообще в Центральной или Южной Америке она явно не была ни разу. То есть как переводчик она нам вполне сгодится, а как «экскурсовод» – увы. Ладно, уж лучше это, чем вообще ничего.

– Ну что же, младший лейтенант Дятлова, – сказал я, закрывая папку с личным делом. – Поздравляю вас с прибытием в славную 93-ю гвардейскую инженерно-штурмовую бригаду специального назначения!

– Спасибо, товарищ майор!

– И как вам здесь у нас, товарищ младший лейтенант? Устроились?

– Так точно, устроилась. Я думала, будет хуже...

Ну и на том спасибо, что не разочаровалась...

– Иностранные языки хорошо знаете?

– Смотря какие.

– Сейчас для нас более всего актуален испанский.

– Хуже, чем французский, но лучше, чем английский или португальский. А что – за Пиренеи поедем?

– Нет, значительно дальше.

– А куда?

– В Мексику. Что, какие-то проблемы с этим?

– Нет, то есть... Я же за океаном не была никогда.

– Ну, все когда-то бывает в первый раз. Я тоже много где раньше не был, а сейчас приходится. А в тех краях я нигде, ближе Кубы, тоже не был. Вы по языку проблем для себя не предвидите?

– Никак нет.

– Ну вот и чудненько. Думаю, по прибытии быстро освоитесь на месте. Имейте в виду, вы нам будете нужны не только как переводчик, но и как пилот, поскольку лишних людей или техники у нас сейчас нет. Просьбы, вопросы, жалобы будут?

– Никак нет.

– Тогда пока свободны. Вростаите в жизнь нашей гвардейской части, товарищ младший лейтенант. К 18.00 явитесь в этот же кабинет. Еще какие-нибудь вопросы есть?

– Пока нет.

– Ну тогда идите с богом и позовите мужчину, который там, за дверями, должен быть.

Через минуту этот самый мужчина возник на пороге моего кабинета.

– Рядовой Зиновьев по вашему приказанию прибыл! – представился он глухим, каким-то застарело-простуженным голосом.

Эк его жизнь-то ударила, раз он нынче рядовой...

– Садитесь, рядовой, – пригласил я.

Было видно, что от стула он отвык уже давно, и ему явно привычнее было бы сидеть у батареи или печки, на корточках, как зэку и положено.

Вид у него был не сильно презентабельный. Новое солдатское камуфлю с пустыми погонами, новые ботинки. Сам рядовой Зиновьев – такая длинная унылая жердь. Хотя, присмотревшись, я понял, что ростом он ненамного выше меня, а значит, скорее, не длинный, а просто очень тощий. Ну да из тех мест, откуда его выдернули, упитанными и не выходят... Темное, плохо выбритое лицо со шрамом на левом виске и сильно выдающимися скулами. На, видимо, недавно стриженном «под ноль» неровном черепе только-только начал отрастать скудный седоватый ежик. Кисти рук какие-то лопатообразные, с обломанными темными ногтями, правая – вся в шрамах. И во всем облике – чудовищная усталость. А вот глаза...

Такие глаза бывают только у тех, с кем хотя бы однажды

серьезно поговорили в Государственной Тайной Полиции – мощной и всесильной структуре, заменившей в нынешние чрезвычайные времена все прочие подобные «конторы», кроме, разумеется, военных разведки и контрразведки. Они нынче, пожалуй, пострашнее, чем когда-то ЧК-ОГПУ-НКВД (хотя ЧК, то есть Чрезвычайный Комитет, и сейчас есть, но теперь этот термин обозначает действующую власть, а не карательный орган), вместе взятые...

Я такие глаза впервые увидел, когда сам однажды ненадолго попал в ГТП.

Было это в самом начале Долгой Зимы. Мы тогда практически провалили одну небольшую операцию. Нам приказали прикрыть эвакуацию из городка Чибижовск местной челяди – мэра, ментополов и прочих представителей тамошней власти с семьями. Мы на пяти БМП-1 выдвинулись на окраину города, к разбитому посту ДПС/ГИБДД, где, согласно полученному приказу, ждали подхода этой самой челяди. При этом нас все время обстреливали со стороны близлежащих многоэтажек и лесополосы. Мы скупно отвечали. В общем, к назначенному часу челядь на точку встречи не прибыла, на наш запрос по рации командование приказало ждать дальше. И мы ждали до вечера, бессмысленно пялясь в заметавшую нас серенькую пургу начинающейся Долгой Зимы. Приказа соваться дальше в город у нас не было, тем более что все тамошние улицы и дороги были загромождены баррикадами и брошенным транспортом.

И мы все ждали, пока нас наконец не атаковали. Мы потеряли одну БМП и трех человек убитыми, после чего, уже в почти полной темноте, получили приказ на отход и отошли. За это меня и приволокли на кичу. Не успели мы тогда вернуться в расположение, как меня и моего непосредственного начальника капитана Галиева разоружили и, под недоуменные взгляды бойцов, отвезли под конвоем в ГТП.

Так вот, когда меня тогда втолкнули в допросную камеру, там на табуретке как раз хрипло дышала настоящая развалина – бранные останки какого-то бывшего человека с такими вот, как у этого рядового Зиновьева, глазами. Выглядели эти останки хреново, на роже – синяки и свежие, сочащиеся, как говядина, ссадины, одна рука неестественно вывернута. Было такое впечатление, что два находящихся в кабинете молодца-следака из ГТП не просто обработали его руками и ногами, а скинули подозреваемого этажа этак с девятого, оставив от арестованного одни руины.

Когда в кабинет ввели меня, они того бедолагу велели увести, а точнее – унести. Что сержанты-конвоиры и сделали.

Такие милые были ребята эти следаки, молодые и симпатичные, один постарше и поинтеллигентнее, в темных гражданских брюках и сером свитере домашней вязки, второй, помоложе и потупее, в камуфле без знаков различия. Этакие сверхчеловеки, призванные олицетворять перед подследственными Родину-Мать, кнут/пряник и карающий меч/ежовые рукавицы в одном флаконе. И во всем их облике бы-

ла невыразимая чиновничья скука и рутина. Помню, на столе у них среди бумаг парили две кружки с торчащими ниточками от пакетиков одноразового чая (с продуктами тогда уже было хреново, и такой чаек считался жутким дефицитом), на одной из которых было написано «Володина» (видимо, по имени владельца).

– Ну что, старлей, – сказал интеллигентный инквизитор в свитере. – Считай, что погоны с тебя уже сняли...

А я тогда, откровенно говоря, в ахере был. Ночь не спал и, плюс ко всему, похоже, был слегка контужен. Поэтому четко помню, как я беру правой рукой за свое левое плечо, а левой за правое, с усилием отрываю с мясом со своего камуфля оба погона и вежливо так протягиваю следаку со словами:

– Да нате. Берите, сделайте милость, гражданин начальник...

А сам при этом думаю, долго ли я усажу на этом табурете (и усажу ли вообще?), если он мне сейчас, без паузы, вмажет для профилактики кулаком в хрюсло или со всей дури засветит, скажем, ногой по корпусу? Кстати, и табурет подомной основательный, и если меня им пару раз отоварят, я точно буду в ауте...

– Веселый вражина попался, – усмехнулся на мою реплику тот, что помоложе.

А второй сверхчеловек, видимо, поняв, что со мной вполне можно обойтись и без каких-либо пошлых прелюдий сказал:

– Ну на, читай, весельчак!

И подает мне листки, с загодя распечатанным на принтере убористым шрифтом перечнем всех моих преступлений. Дескать, я злонамеренно не выполнил приказ, желал поражения милой Родине, контактировал с «врагами народа и государства», и прочее-прочее-прочее – целых три страницы преступлений, каждое из которых тянуло на вышак, да и не на один. Туда надо было только вписать от руки мои личные данные и текущую дату. Чувствовалось, что у них этот «процесс выжигания скверны каленым железом» был давно поставлен на поток.

– Сразу подпишешь или как? – спрашивает молодой, прихлебывая горячий чаек.

– Не, лучше, конечно, помучиться, – отвечаю я и терпеливо жду пинка или удара по физиономии.

И они, неспешно допив свой чаек, вероятно, сделали бы из меня фарш, если бы в допросную камеру не постучали. Когда есть те, кто приходят к тебе, значит, есть и те, кто придут за тобой...

Помню, вошли два коротко остриженных типчика, в одинаковых, плохо сидящих на их фигурах серых костюмах.

– Армейская контрразведка, – сказал один и, предъявив бравым гэтэпэшникам какую-то бумаженцию, добавил: – Этого клиента мы забираем.

Следаки молча кивнули. А я сложил свои оторванные погоны в карман и на негнущихся ногах потопал следом за се-

рыми костюмами на выход.

В контрразведке выяснилось, что судить нас с капитаном Галиевым вообще-то не за что. Оказывается, к утру из Чибижовска, совершенно не там, где мы ожидали, выбрались какие-то недорезанные бабы и дети из местной челяди, которые и рассказали, что нас просто пытались заманить в ловушку. Бандюки из местных пейзан, конечно, перекололи местных шишек, но кого-то (предположительно из полицейского начальства) при этом захватили живьем. Вот этот-то начальник (видимо, имея нож у горла) и потребовал присылки прикрытия – бандюкам было нужно оружие и техника. И, если бы мы сунулись в город, нас бы там перебили всех до одного. В общем, тогда за все ответил один полкан из штаба (у которого были какие-то родственники среди чибижовских начальников), санкционировавший нашу операцию. Этот же полкан, кстати говоря, и поспешил слить нас ГТП, торопясь соскочить с карающего конца. Увы, не соскочил. Вот такое у меня лично было первое знакомство с ГТП.

А глаза, как у того подследственного на табурете, я потом видел много у кого – у штабных генералов и полковников, детей и стариков в тылу, у солдат на фронте, у шлюх в бардаках. Страх с признаками ускоренной ломки об колено, о первоисточнике которого спрашивать у людей было как-то совестно. И вот сейчас то же самое выражение я вижу в глазах этого рядового Зиновьева, своеобразного «бюджетного варианта» изможденного майора Топоркова из древнего

черно-белого сериала «Обратной дороги нет»...

– А чего это вы рядовой? – поинтересовался я.

– Так в деле же все есть, гражданин... то есть, тьфу ты, товарищ майор...

Я усмехнулся и заглянул в папку с его делом. Отвык он, видать, от армейской службы, среди вертухаев-то...

Смотрим, что там у этого Зиновьева в анкете. На два года старше меня. Родился в Краснобельске. Гляди-ка, земляк. Хотя нет, с десяти лет жил в Москве. Папуля – генерал-майор Ростислав Глебович Зиновьев, из управления тыла генштаба. Ага, есть такая профессия – родину расхищать... Точнее сказать – была. Во времена Паши-Мерседеса и далее – на руководящих должностях по части тылового обеспечения войск, а затем – шишка в «Росвооружении». Непотопляемый номенклатурный кадр, короче говоря, как раньше выражались. Хотя стоп – в деле написано, что генерал-майор Зиновьев развелся с женой, когда сыну было пятнадцать. Надо полагать, молодуху себе нашел, ну-ну...

Теперь, что касается собственно сына. Зиновьев Сергей Ростиславович. После школы поступает в университет, менее чем через год отчислен за неуспеваемость, гремит в армию. Из армии дезертирует (как указано в деле: «самовольно оставил часть в связи с неуставными отношениями»), но, о чудо – ни уголовного дела, ни каких-либо отметок о последствиях данного факта в личном деле. Интересно, куда кадровики смотрели? Хотя, стоп – менее чем через четыре месяца

да после своего дезертирства Зиновьев Сергей Ростиславович вдруг непонятным образом оказывается в числе курсантов Рязанского командного училища связи (как говорится – рязанское-то рязанское, да не то). Ну, тут все более-менее понятно, папуля, хоть и кинул бывшую жену и отпрыска на ржавый гвоздь, но все-таки, похоже, помог чаду в трудную минуту, отмазал и пристроил туда, где теплее.

Так, училище он окончил в положенный срок, никаких отличий и красных дипломов, характеристики из училища – ни рыба ни мясо. После окончания, во время Второй Чеченской съездил на полгода на театр боевых действий. Так-так... Во время командировки находился при штабе группировки и по противнику, я так понимаю, ни разу не выстрелил. И, несмотря на это – отличная характеристика и орден Мужества в придачу. Какой героический связист... Именно это и называется «блат» или «лапа мохнатая». Досрочно присвоено звание «капитан» – и сразу же в академию. По окончании академии работал сначала в пресс-центре Минобороны, а потом в представительствах «Росвооружения» в Перу и Мексике. Причем в Мехико просидел лет пять, не иначе вертолеты «Ми-17» местным генералам втюхивал. Ага, так вот зачем его к нам прикомандировали – товарищ, видимо, хорошо знает если не язык, то уж страну – наверняка... Знатная служба была у этого Зиновьева, ничего не скажешь. Этаким бравый вояка, весь в шоколаде, которому дают все давалки. Прямо обзавидуешься...

Так, с первой женой Ульяной развелся в 1998-м, сын Виталий 1997 года рождения. Платил алименты, то-се. Вторая жена Роза, развелся в 2010-м, там дочь Юлия 2005 года рождения. Третья жена, Зиновьева Вероника Антоновна, в этом браке дочери Ксения 2011-го и Дарья 2013 года рождения. С этой, третьей женой Зиновьев вроде бы до сих пор зарегистрирован. Ну-ну... И что там с ним было дальше? Ага, дело министра Миндюкова. Зиновьевский папаша полетел с должности, инсульт, и привет всем с того света. Зиновьев после этого пробкой вылетел из этой самой Центральной и Южной Америки и был определен на службу в Генштаб. По состоянию на 2013 год он был подполковником. Смотри-ка, сложишься все чуть иначе, он вполне мог бы, к примеру, нашей бригадой командовать и быть моим непосредственным начальником. Но, как говорится – увы-увы...

2014 год и далее – «холодная война», через четыре года – начало натовско-исламистских фатальных разборок, ну а далее всем известно. Вскоре после введения чрезвычайного положения подполковник Зиновьев С.Р арестован ГТП и через четыре месяца осужден к высшей мере «за шпионаж и измену родине». Так называемый, не к ночи помянут будет, «Второй Процесс Военных», он же «ПВ-2». Однако, как написано в личном деле, «принимая во внимание чистосердечное раскаяние и добровольное сотрудничество со следствием», смертная казнь заменена на пожизненное заключение. Выходит, этот гнилофан, для того чтобы отскочить от шлеп-

ки, вывернулся наизнанку и сдал всех своих. По моим понятиям, это жирный минус в биографии и повод для недоверия, но кто знает, какими методами его там заставляли «сотрудничать со следствием». Гэтэпэшники – они в этом деле известные затейники...

Ну и далее зэк Зиновьев отбывал это самое пожизненное. Три недели назад его условно освободили «для использования в вооруженных силах РФ по первоначальной военной специальности», с оговоркой о том, что в случае успешной работы гражданина Зиновьева армейское командование (то есть в данном случае это, видимо, я, наш комбриг и полковник Голяк) имеет право составить (а имеет право и не составлять) соответствующее представление в ГТП, которое «может быть основанием для дальнейшего пересмотра уголовного дела г-на Зиновьева с целью смягчения первоначальной меры наказания». Вот даже как. А если мы представление не составим – его опять за колючку засадят, отбывать дальше? Стало быть, у него от этой «загранкомандировки» вся дальнейшая жизнь зависит и стараться он будет на совесть, до полного жопорвания...

– За какие же, интересно знать, «заслуги» вы влетели в это дерьмо, рядовой? – спросил я Зиновьева.

– За легковерие, гражд... то есть товарищ майор.

– Это в каком смысле?

– Поверил большим дядям – своим непосредственным начальникам, что они смогут что-то изменить. А точнее – оста-

вить все как есть...

– Что значит «как есть»?

– Сохранить нормальное государство, без «чрезвычайщины»...

Ну да, тогда, когда все только началось, часть политиков, «общественных и культурных деятелей» (тех, что до этого удачно прикидывались вменяемыми, но смотрели только в одном, западном, направлении) и военных пытались не допустить создания Чрезвычайного Комитета и введения военного положения. Пытались, в обычной для себя манере, плохо, подловато, неискренне и неталантливо. Итогом их действий и стали два «Процесса Политиков» и два «Процесса Военных». Смешнее всего оказалось то, что в момент, когда все наши доморощенные «демократы» уже парились по камерам, их западные кураторы тоже ввели у себя аналогичное военное положение. Только сделали они это позже КНР или России, лишней раз показывая, какие они «гуманисты» и что сделали это исключительно «под давлением обстоятельств»...

– То есть ваши многозвездные начальники думали, что и тогда, во время начинающегося хаоса и маячившей впереди, в самой ближайшей перспективе, Долгой Зимы, они, как и прежде, будут по-тихой поворачивать казенные бабки, строить уютные особнячки в Подмосковье и отдыхать на Багамах или Гоа? – спросил я у Зиновьева.

– Ну я же не знал, что все это так серьезно, – пожал пле-

чами бывший подполковник. – И они тоже не знали...

Не знали вы... Хотя откуда им всем было знать, что лучше, сейчас-то? Вон, в американских фильмах на тему зомби-хоррора лучшими местами для житья в условиях апокалиптического нашествия живых трупиков обычно считался супермаркет, ну, или брошенная зона либо военная база с прочным и высоким забором из колючки. Может, так оно и надо – ведь бывают же времена, когда отсидеться где-нибудь за колючкой и быть ни в чем не виноватым – лучшее и самое умное решение? Похоже, рядовой Зиновьев именно этот выход для себя и выбрал. По его тоскливой роже было видно, что он и сейчас предпочел бы жрать баланду, а не возвращаться в строй и рисковать жизнью...

– Значит, вы очень хотели верить в прекрасное далеко? – поинтересовался я.

– Хотели.

– На хотелку надо могулку отрастить, рядовой. А вы ее, как видно, не отрастили, и прекрасное далеко в итоге оказалось довольно жестоко. Думаете сбежать или как?

– У меня третья жена с двумя дочками на бессрочном поселении в Когыме и мать-старуха с прочими родственниками в Ижме на птичьих правах. Даже если бы я захотел...

Да, вот тут он прав. В этом случае, если с его стороны последует «шаг вправо, шаг влево», шустрые ребята из ГТП его семейство не будут даже к стенке ставить – просто без лишней волокиты брючным ремнем удавят...

– Понятно, – сказал я. – В Мексике долго жили, язык и страну хорошо знаете?

– Да более-менее, а мы что...

– Да, именно туда. Вас, рядовой, только потому и выдержали с нар, что вы в этой стране успели пожить. Только имейте в виду, что мы туда не отдыхать отправляемся, а воевать.

– Понял.

– У нашего начальника особого отдела капитана Пьянюхина вы уже отметились?

– Только что оттуда...

– Тогда служите, рядовой. Пока свободны. Идите в казарму и отдыхайте. Как дело дойдет до чего-то конкретного, вас вызовут.

– Разрешите идти?

– Идите.

Зиновьев неловко повернулся «кругом» и покинул кабинет.

Как говорится – «и среди пыльных свитков «Алмазной сутры» и «Трехсот пятидесяти стратагемм» будет пылиться рисунок на шелке, в тосэй гиоку и хаори, но не будет он больше служить господину...».

По-моему, этот Зиновьев вояка еще тот, а значит – не жилец. Раз он в свое время не вписался в новые условия, то сейчас от него и подавно будет мало толку. По идее, война всегда все ставит на свои места, уравнивает всех перед богом и встряхивает любого вояку в его должностные функции, слов-

но водолаза в скафандр-трехболтовку. Правильно встряхнулся – значит, еще побулькаешь в этом дерьме, именуемом в просторечии войной. А нет – потонешь на фиг.

А этот Зиновьев и в прежнюю-то, довоенную, армию попал по благу (папа воткнул, поскольку больше некуда было податься – а так, хоть хреновая, но карьера) и ни с кем все-рьез не воевал, ни с чеченами, ни с грузинами, ни с укропами. А к настоящему моменту уже давным-давно потонул, и извлекли его с самого дна явно не из-за каких-то выдающихся качеств, а потому что больше извлечь некого...

Приглашать его на предварительный инструктаж я не считал нужным. Кто знает, что у этого досрочно расконвоированного, но не вполне прощенного зэчка за душой? Так что без него обойдемся, а он будет знать только то, что ему положено.

Тем более что на инструктаже я должен был довести до ушей подчиненных и следующую, не шибко радостную информацию – руки у нас теперь полностью развязаны, поскольку пиндосы недавно, похоже, начали проводить тайные операции, уже явно направленные против нас.

На днях под Анюйском был найден разбившийся транспортный самолет ВВС США, без опознавательных знаков, оборудованный для спецопераций. Как видно, ребята, летевшие на нем (а может, и их начальники), все еще очень плохо ориентировались в пространстве без спутников, компов, GPSов, долгосрочных метеопрогнозов, автопилотов и про-

чего.

Короче говоря, самолет неожиданно попал в непогоду (что для полярных широт дело обычное), блуданули, видимо, потеряли ориентировку, пытаясь определиться на местности, сожгли почти всю горючку и упали с сухими баками, вмазавшись в чукотские сопки. Поскольку остаток топлива на борту был минимальный, взрыва и пожара не было и место падения было осмотрено более чем детально.

Как оказалось, на борту было два взвода их командос (не осточертевшие нам «автоматки» и демо-зомбаки, а вполне обычные солдаты в продвинутом тяжелом снаряжении, включавшем скафандры-экзоскелеты), подробные карты Якутии, Чукотки, Магаданской области и Камчатки с особо отмеченными военными объектами и наиболее крупными на данный момент городами, а также самые разнообразные средства уничтожения. Больше всего командование насторожили химические заряды новейшей разработки, снаряженные чем-то пострашнее зарина, а также богатейший ассортимент ядов (видимо, предназначенных для водоемов, колодцев и водозаборов) – и все явно заточено на массовое человекоубийство в населенных местах.

Похоже, в момент пролета самолета над нашей территорией были какие-то электромагнитные возмущения (для отвлечения явно применялось что-то импульсное, по стандартной методике), и радары его не увидели.

В общем, стало понятно, что ничего хорошего этот слу-

чай не предвещает. Теперь генералитет, естественно, стоял на ушах. Еще бы – вдруг эта диверсионная группа была не одна? Бдительность безмерно усилили, но видимых признаков активности на нашем севере каких-то диверсантов пока обнаружено не было. Но при этом в тех же местах, над морем и побережьем сбили при подлете со стороны Аляски три малоскоростные цели. Одна из них была захвачена в малоповрежденном виде и представляла из себя беспилотный фоторазведчик (сейчас любыми беспилотниками из-за отсутствия спутников и прочих «благ цивилизации» уже нельзя управлять в реальном времени, их просто заранее настраивают на пролет по заданному маршруту и возвращение – как в 1960-1970-е), запрограммированный на детальный обзор городов, коммуникаций и военных объектов в тех же районах. При этом всем давно стало понятно, что в данном случае всех не переловишь, рано или поздно кто-нибудь да просочится на нашу территорию и наделает делов... Похоже, кому-то из тамошних Змеев-Плискиных все еще сильно не терпится получить свои два «Пурпурных сердца», «за Ленинград и за Сибирь»... Так же как и нам свои медали за город Вашингтон...

Короче говоря, жизнь становилась все интереснее и интереснее.

Глава 2. Проверка на дорогах. Свой интерес на чужой войне

*Война кипит победная, до первого сражения,
а после, брат, как и везде – сплошные
умножения...*

Ю. Шевчук. «Война бывает»

Ближайшее будущее. Начало 2020-х. Мексика. Поместье «Tres Robles» и окрестности. Осень

Ох и красиво же здесь было. Много ли на земле мест, где река припахивает табаком и отдает на вкус сахаром? А здешняя река (какое-то ответвление Грихальевы), находившаяся рядом с поместьем, пахла именно так, поскольку протекала аккуратно между табачных и сахарно-тростниковых плантаций (сдается мне, в прежние, относительно недавние, времена вода тут пахла кокой). Вот кувшинки в этой реке были вполне привычного облика, только здоровенные и разноцветные.

Улетая из расейской осени, с ее слякотью и желтыми листьями, мы опять так или иначе попали в лето, где жарко и зелено. По идее, в южном полушарии сейчас стояла зима, но сезон был сухой, без дождей и с температурой за плюс двадцать. Ну да это же тропики, чего же от них еще ожидать, а

тем более таким северянам, как мы?

И идя солнечным октябрьским утром по немаленькой фазенде (или лучше сказать латифундии?) Линаресов, я слушал крики птиц, дышал воздухом и параллельно думал свои командирские думы.

Жить нас, по прибытии в эти «Три Дуба», определили несколько на отшибе. По-моему, это были какие-то помещения или для гостей, или для прислуги (а ее сейчас в поместье было явно много меньше, чем, скажем, лет двадцать назад). Было решено, что основная (то есть мужская) часть нашего «ограниченного контингента» размещается в двухэтажном деревянном строении, чем-то напоминавшем родовую халупу (пардон, «поместье Тара») Скарлетт О'Хара из всемирно известного древнего кино. Плюсом было наличие в этом особнячке нескольких выходов, а также обширных подвалов (винище они там раньше держали, что ли?) и всяких сараев-флигелей-пристроек, где мы разместили наш обширный арсенал. А набрали мы с собой немало (запас, как известно, карман не тянет) – столько, что хватило бы полнокровной роте на пару месяцев активных боевых действий. Хотя, наверное, осталось бы, поскольку мы даже кое-какое авиационное вооружение с собой притащили.

Ну а наших девчонок в компании с подполковником Дегтяревой разместили в более современном одноэтажном строении (по виду – этакое большое пляжное бунгало в, как мне кажется, скорее американском, а не местном стиле), по

соседству с нами. Поскольку их было всего пятеро, разместились они с комфортом.

Прибыли мы в Мексику довольно оригинальным способом – на летающей лодке Бе-200, с промежуточной дозаправкой в воздухе. Зачем это было нужно – могу только догадываться, как видно, исключительно из соображений конспирации. Аэродромов и авиарейсов сейчас очень немного, и в любом аэропорту у потенциальных местных плохишей явно найдутся глаза и уши, тем более здесь, в безалаберной Центральной Америке. А вот контролировать целиком и полностью береговую линию тут явно никто не способен.

Короче говоря, летели мы сюда довольно долго. Потом сели на воду в тихой бухте, проименованной в честь какого-то местного святого (где на дне, наверное, в изобилии покоятся остовы каравелл вперемешку с костяками дворян времен Колумба и голландских адмиралов), недалеко от Тампико, там перебрались на ждущий нас катер и отправились к берегу. А гидросамолет тут же взлетел и ушел в обратном направлении.

Мы были в гражданском, а все наше вооружение и снаряжение предварительно завезли в страну на транспортных самолетах, вместе с какими-то коммерческими грузами. Что касается Дегтяревой, то она прибыла вместе с нами, на том же самолете. При этом она официально значилась каким-то представителем от российской фармакологической промышленности по линии Красного Креста, но жить реши-

ла вместе с нами. То ли из соображений безопасности, то ли из экономии. Я на это возражать не стал, возложив на наших девочек заодно и функции охраны-ухода за начальством, что у них особого понимания, понятное дело, не нашло.

Наша хозяйка, та самая Ларисса Линарес, и ее люди были вполне приветливы и гостеприимны. С хозяйкой я за прошедшие недели виделся каждый день, но общаться подолгу пока как-то не довелось, хотя она, как оказалось, довольно прилично знала русский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.